

Н. О. Вернеръ.

ЗАМѢТКИ О ПУШКИНѢ.

Отдѣльный оттискъ изъ изданія «Пушкинъ и его современники», вып. XVI.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМИИ НАУКЪ.

Вас. Остр., 9 лин., № 12.

1913.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
Мартъ 1913 г.

За Непремѣннаго Секретаря, Академикъ *К. Залманъ*.

Замѣтки о Пушкинѣ.

I.

Первое письмо Гоголя о Пушкинѣ.

Гоголь однажды писалъ отцу изъ Нѣжинскаго Лицея: „вы писали про новую балладу и про Пушкина поэму „Онѣгина“, то прошу васъ, нельзя ли мнѣ и ихъ прислать?“ Письмо это датируется всегда 1824 годомъ — и у В. И. Шенрока („Письма Гоголя“, I, 21—22), и у А. И. Кирпичникова („Опытъ хронологической канвы къ біографіи Н. В. Гоголя“, М. 1892, стр. V), и у П. Заболотскаго („Опытъ обзора матеріаловъ для біографіи Гоголя въ юношескую пору“ — „Изв. Отд. Русск. яз. и словесн. Имп. Ак. Н.“ 1902 г., т. VII, кн. 2, стр. 65). Оно представляетъ собою отвѣтъ на письмо отца Гоголя отъ 28 сентября.

Извѣстно, что первая глава „Евгенія Онѣгина“ вышла въ свѣтъ въ февралѣ 1825 г. (цензурное разрѣшеніе — 29 декабря 1824 г.). Странно было бы думать, что далекій отъ столичныхъ литературныхъ круговъ малороссійскій помѣщикъ могъ читать ее еще до выхода въ свѣтъ. Однако, не подвергая сомнѣнію самой даты, И. П. Житецкій „Гоголь — проповѣдникъ и писатель“, С.-Пб. 1909, стр. 14) рѣшилъ, что здѣсь „дѣло идетъ о рукописномъ текстѣ, и пятнадцатилѣтній Гоголь уже, видимо, волнуется, какъ бы скорѣе заполучить новое созданіе любимаго поэта“. Согласиться съ такимъ предположеніемъ трудно. „Онѣ-

гинъ“ сталъ извѣстенъ близкимъ Пушкину людямъ лишь осенью 1824 г., когда Левъ Сергѣевичъ привезъ въ Петербургъ рукопись (см. письмо Пушкина къ Вяземскому 29 ноября 1824 г.); въ ноябрѣ Жуковскій писалъ ему о первой главѣ подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ недавно прочитанной новинки. Посылая А. С. Данилевскому, на Кавказъ, при письмѣ 10 марта 1832 г., восьмую главу „Онѣгина“, недавно вышедшую въ свѣтъ, Гоголь писалъ ему: „можетъ быть, у васъ въ глуши его еще не читали“. Гораздо вѣроятнѣе, что В. А. Гоголь писалъ сыну объ „Онѣгинѣ“ 28 сентября 1825 г., когда первая глава успѣла пробраться и въ малороссійскую глушь, — и такимъ образомъ первое письмо Гоголя съ упоминаніемъ о Пушкинѣ должно быть отнесено не къ 1824, а къ 1825 году.

II.

„Баллада“ объ игрокахъ.

А въ ненастные дни собирались они часто.

Гнули, < . . . > ихъ < . . . > отъ 50 на 100.

И выигрывали и отписывали мѣломъ, —

Такъ въ ненастные дни занимались они дѣломъ.

Эта шутка входитъ въ составъ письма Пушкина къ князю П. А. Вяземскому 1 сентября 1828 г., хранящагося въ Остафьевскомъ архивѣ графа С. Д. Шереметева и впервые напечатаннаго цѣликомъ въ сборникѣ „Старина и Новизна“, в. V, 1902 г., стр. 16—17 (см. также Переписку Пушкина, академич. изд., II, 73—75). Затѣмъ стихи эти записаны Пушкинымъ, какъ эпитафья къ прозаическому наброску: „Года четыре тому назадъ“ . . . (Румянц. Муз., № 2373, л. 15 — „Русск. Стар.“ 1884 г., августъ, 322—323), съ припискою: „Рукописная баллада“; набросокъ представляетъ собою, вѣроятно, первоначальный приступъ къ „Пиковой Дамѣ“. Первая глава „Пиковой

Дамы“ начинается именно этимъ эпиграфомъ, приведеннымъ безъ всякой ссылки и съ передѣлкой непечатнаго выраженія на приличный ладъ („Богъ ихъ прости!“). Кромѣ того, стихи извѣстны изъ воспоминаній А. П. Кернъ, которая рассказывала (см. „Пушкинъ“, Л. Н. Майкова, стр. 252): „Пушкинъ разъ поручилъ мнѣ переслать стихи къ Дельвигу, говоря: „Да смотрите, сами не читайте и не заглядывайте“. Я свято это исполнила и послѣ уже узнала, что они состояли въ слѣдующемъ“ . . . ; тутъ Кернъ приводитъ „приличную“ редакцію стиховъ, хотя, конечно, Дельвигу была послана первоначальная, и прибавляетъ: „эти стихи онъ написалъ у князя Голицына, во время игры, мѣломъ на рукавѣ“ (?). Майковъ (ibid.) замѣтилъ, что „приведенные стихи принадлежатъ не Пушкину, а К. Ѳ. Рылѣеву“. П. О. Морозовъ (Сочин. П., изд. Литерат. фонда, IV, 308, и „Просвѣщенія“, V, 497) говоритъ, что „эпиграфъ къ первой главѣ повѣсти взятъ изъ всѣмъ извѣстной въ то время пѣсни Рылѣева и Бестужева: *Ахъ, идъ ты острова*“. Дѣйствительно, въ сборникахъ стихотвореній Рылѣева (см., напр., изд. журн. „Сѣверъ“, 1893 г., стр. 104) эти стихи печатаются, какъ окончаніе упомянутой сатиры. Однако, какъ справедливо указалъ П. А. Ефремовъ въ своемъ послѣднемъ изданіи (Суворина, VIII, 545), въ названномъ письмѣ къ Вяземскому, гдѣ Пушкинъ рассказываетъ ему о своемъ петербургскомъ времяпрепровожденіи лѣтомъ 1828 г., этимъ стихамъ предшествуетъ показаніе поэта: „я продолжалъ образъ жизни, *воспѣтый мною* такимъ образомъ“ . . . (въ черновикѣ: „вотъ какъ воспѣли мы“, т. е. Пушкинъ, С. Д. Полторацкій и Н. Д. Киселевъ, но бѣловая редакція точно указываетъ, что написалъ стихи именно Пушкинъ). Основываясь на этомъ показаніи, Н. А. Котляревскій („Декабристы князь А. И. Одоевскій и А. А. Бестужевъ-Марлинскій“, С.-Пб. 1907, стр. 307; „Рылѣевъ“, С.-Пб.

1908, стр. 73, 207) даже нашелъ возможнымъ приписать Пушкину сатиру Рылѣева, а В. И. Семевскій, ссылаясь на эти же слова Пушкина, заключилъ, что „Пушкину принадлежитъ часть этой пѣсни“ („Политическія и общественныя идеи декабристовъ“, С.-Пб. 1909, стр. 260). Списокъ, въ хранящихся въ Имп. Публичной Библиотекѣ бумагахъ А. А. Майкова (см. ея Отчетъ за 1903 г., стр. 48), подписанъ: „Боратынскаго“ (въ Отчетѣ прибавлено: „на самомъ дѣлѣ Пушкина“).

Пѣсня „Ахъ, гдѣ тѣ острова“ . . ., это сразу бросается въ глаза, не имѣетъ, кромѣ формы, размѣра и чередованія стиховъ, ничего общаго со стихами Пушкина, и присоединеніе ихъ къ ней производитъ весьма несурзное впечатлѣніе. Очевидно, ихъ соединили вмѣстѣ малоинтеллигентные и не вдумывавшіеся собиратели „сочиненій, презрѣвшихъ печать“. Пушкинъ зналъ сатиру Рылѣева („мнѣ bene тамъ, гдѣ растеть тринь-трава, братцы“, цитируетъ онъ ее въ письмѣ къ брату въ началѣ января 1824 г.) — и просто воспользовался ея легкимъ, веселымъ размѣромъ для своей шутки, которую набросалъ какъ бы „на голосъ“ популярной пѣсни. Такимъ образомъ, показаніе Кернъ вполне оправдывается словами поэта, и шутка Пушкина — вполне самостоятельное его произведеніе, а не Рылѣева и не „передѣлка конца стихотворенія Рылѣева“, какъ думаетъ П. О. Морозовъ (Сочин. П., изд. „Просвѣщ.“, VIII, 488), измѣнивъ своему прежнему, вышеизложенному мнѣнію. Относится она приблизительно къ лѣту 1828 г.; Дельвига, которому Пушкинъ посылалъ ее черезъ Кернъ, дѣйствительно не было этимъ лѣтомъ въ Петербургѣ (см. Переписку Пушкина, II, 69, 77). Это время Пушкинъ, по выраженію Вяземскаго, „кружился въ вихрѣ петербургской жизни“ („Остафьевск. Архивъ“, III, 179). Ничто не пропадало въ житейскомъ опытѣ гениальнаго человѣка, и переживанія и наблюденія Пушкина въ

этомъ „круженіи“ пригодились ему впоследствии, когда онъ писалъ „Пиковую Даму“ и вспомнилъ, между прочимъ, разгульное лѣто 1828 г. и своихъ пріятелей, занимавшихся „дѣломъ“ и за это воспѣтыхъ имъ въ краткой комической „балладѣ“, которая не должна быть исключена изъ собраній произведеній Пушкина.

III.

Имена литераторовъ въ „Собраніи насѣкомыхъ“.

Пушкинъ не назвалъ ни одного имени въ этой эпиграммѣ, предоставляя читателямъ догадываться самимъ.

Вотъ *** Божія коровка,

Вотъ *** злой паукъ

Вотъ и *** Россійскій жукъ

Вотъ *** черная мурашка, (въ первой редакціи —
„тощая пиявка“)

Вотъ *** мелкая букашка (въ первой редакціи —
„козявка“).

Современникамъ нетрудно было узнать по остроумнымъ намекамъ въ Божьей коровкѣ благочестиваго, степеннаго *Θ. Н. Глинка*, который, конечно, и самъ себя узналъ (вѣроятно, по этому поводу Пушкинъ писалъ ему 21 ноября 1831 г.: „говорятъ, будто вы на меня сердиты, это не резонъ“); въ зломъ паукѣ — сухого по темпераменту, скептически настроеннаго *М. Т. Каченовскаго*. Полный списокъ всѣхъ задѣтыхъ Пушкинымъ литераторовъ появился въ „Библиограф. Запискахъ“ 1858 г., № 11, стр. 345, гдѣ указано, что Божія коровка — *Глинка*, злой паукъ — *Каченовскій*, Россійскій жукъ — *Свиньинъ*, черная мурашка — какой-то непонятный намъ „Г—въ“, а мелкая букашка — *Раичъ*. Въ спискахъ, по указанію *Г. Н. Геннади* (см. прилож. къ его первому изданію со-

чиненій Пушкина, 1859 г., стр. 80) подъ черною мурашкой обыкновенно подразумѣвался Олинъ. По словамъ П. А. Плетнева, „півякою“, т. е. „мурашкою“ исправленной редакціи, былъ названъ М. А. Бестужевъ-Рюминъ (Переписка Я. К. Грота съ П. А. Плетневымъ, II, 158). Въ другой разъ, на просьбу Грота сообщить имена, пропущенныя въ „Собраніи насѣкомыхъ“, П. А. Плетневъ отвѣтилъ: „Глинка (Фед.) — Божія коровка, Каченовскій — злой паукъ, Свиньинъ — рос. жукъ, Рюминъ (Бестужевъ) издавалъ какой-то журналъ, Борька (Федоровъ, Борисъ) — мелкая букашка“ (ор. с., III, 401). Такимъ образомъ, не подлежатъ сомнѣнію только первыя три имени; остается разобраться въ двухъ остальныхъ. Подъ „мелкой козявкой“ первой редакціи или „мелкой букашкой“ второй современники предполагали В. Н. Олина. Говоря о „Подснѣжникѣ“, гдѣ впервые появилась эпиграмма, рецензентъ „Сѣвернаго Меркурія“, вѣроятно самъ издатель его, М. А. Бестужевъ-Рюминъ (1830 г., № 40, 2 апрѣля, стр. 159—160) остановился на этой эпиграммѣ: „какое въ этомъ Альманахѣ собраніе насѣкомыхъ, принадлежащее знаменитѣйшему нашему поэту А. Пушкину! Это собранье насѣкомыхъ открыто было до сего времени для однихъ только знакомыхъ автора, но нынѣ, по благосклонности его къ публикѣ, показывается всѣмъ и каждому...

Они, пронзенные насквозь,
Рядкомъ торчатъ на эпиграммахъ...

т. е. на эпиграммахъ почтеннаго автора: это немножко самолюбиво, но кто же изъ поэтовъ не самолюбивъ?... Можетъ быть, объ этихъ эпиграммахъ теперь никто болѣе не помнитъ, кромѣ автора: по крайней мѣрѣ ему самому кажется, что вышеписанные **, Божія коровка, ****, злой паукъ, **, Россійскій жукъ, **, тощая півяка и **,

мелкая козявка, *пропзены* этими эпиграммами *на сквозь*. Въ этомъ собраніи примѣчательнѣе всего ****, *злой наукъ*, который такъ искусно раскинулъ сѣти свои, что изъ нихъ никакъ не могутъ выпутаться и цѣлыя поэмы, не только эпиграммы: едва только появится какая-нибудь новорожденная букашечка, какъ онъ ее бѣдняжечку цапъ-царапъ, и она какъ ни старается вырваться изъ тяжкаго своего ига, но не по силѣ бѣдняжечкѣ“. Здѣсь ясно говорится о Каченовскомъ (его четырехсложное имя обозначено четыремя звѣздочками), объ его отношеніяхъ къ Пушкину. Неодобрительно отнесся къ эпиграммѣ Пушкина В. Н. Олинъ, который въ своей „Карманной книжкѣ для любителей русской старины и словесности“ (1830 г., № 4, стр. 541) писалъ: „мы никакъ не можемъ одобрить стихотворенія г. Пушкина, подъ названіемъ: „Собраніе насѣкомыхъ“. Мы умѣемъ плѣняться пріятнымъ талантомъ поэта, но не безусловно и не ослѣпляясь. По мнѣнію нашему, чѣмъ болѣе человекъ имѣетъ дарованій, тѣмъ онъ долженъ быть скромнѣе; ибо скромность, нѣкоторымъ образомъ, придаетъ имъ болѣе блеску. Довольствуемся симъ простымъ и умѣреннымъ замѣчаніемъ. Сверхъ сего любопытствующіе узнать болѣе могутъ прочесть рецензію на „Подснѣжникъ“, напечатанную, съ позволенія сказать, въ 40 № Сѣвернаго Меркурія“.

Это испрошеніе у читателей „позволенія“ произнести названіе „Сѣвернаго Меркурія“ и ясный намекъ, что въ эпиграммѣ упоминается издатель этого журнала, конечно, задѣло послѣдняго, и въ 55-мъ № „Сѣвернаго Меркурія“ (7 мая, стр. 217—218) появилась замѣтка: „Нѣчто о Собраніи насѣкомыхъ, эпиграммѣ А. Пушкина, помѣщенной въ Подснѣжникѣ“; въ ней было объяснено, что „изд. Мерк. не имѣлъ съ своей стороны никакой *особенной* причины не одобрить упомянутаго Собранія *наспкомыхъ*, кромѣ того, что онъ, въ отношеніи къ дарованію Пушкина, на-

ходить это четырнадцатистишіе совершенно ничтожнымъ, не имѣющимъ никакого достоинства, даже и піитическаго. Если бъ дѣло шло о какихъ-нибудь другихъ произведеніяхъ словесности, какъ, наприм., о поэмѣ: *Кальеонъ* или о трагедіи: *Корсаръ*, — въ такомъ случаѣ было бы необходимо просить позволенія у читателя, чтобы предупредить его и нечаяннымъ напоминаніемъ о сихъ чадахъ авторскаго воображенія не произвести въ немъ колики отъ смѣха. — Кстати о собраніи насѣкомыхъ!... Нѣкоторые замѣчаютъ, что если въ этомъ четырнадцатистишіи и есть что-нибудь порядочное, *справедливое*, то развѣ, съ позволенія сказать, одна только мелкая козявка (Вотъ **, мелкая козявка), — ибо ей всего приличнѣе быть въ собраніи насѣкомыхъ! "... Такимъ образомъ „Сѣверный Меркурій“ опредѣленно указываетъ на Олина, издателя „Карманной книжки“ и автора „Кальеона“ и „Корсара“. Когда эпиграмма снова, въ исправленной редакціи, появилась въ „Литературной Газетѣ“, „Сѣверный Меркурій“ напалъ на Пушкина и опять указалъ на Олина (№ 97, 13 августа, стр. 75): „сочинитель стихотворенія подъ названіемъ Собраніе насѣкомыхъ, радующійся, что оно удостоилось двухъ пародій, помѣщенныхъ въ Вѣстникѣ Европы и въ Московскомъ Телеграфѣ, сдѣлалъ въ немъ нѣкоторую въ одномъ или двухъ стихахъ перемѣну, повидимому для того, чтобы имѣть поводъ перепечатать его въ 43-мъ № Литературной Газеты. „Сіе стихотвореніе“ — говоритъ въ энтузіазмѣ Лит. Газета: обратило на себя *общее* вниманіе“. О стихотвореніи: Собраніе насѣкомыхъ, сдѣланы были отзывы въ двухъ или въ трехъ нашихъ журналахъ, разумѣется въ ироническомъ родѣ. Лит. Газета, называя это *общимъ* вниманіемъ, дѣлаетъ въ семъ случаѣ безъ намѣренія привѣтствіе этимъ журналамъ. Такому вниманію, какое обращено на сіе стихотвореніе, кажется, нельзя радоваться. Каждая вещь, примѣчательная своею урод-

ливостью и безнравственною цѣлю, обращаетъ на себя вниманіе — но какое?... По моему мнѣнію, Лит. Газетѣ надлежало бы объяснить въ семъ случаѣ тѣ обстоятельство, по которымъ упомянутое стихотвореніе обращаетъ на себя вниманіе, надлежало бы для того, чтобы люди нескромныя, нескрывающіе тайнъ литературныхъ, не внушили нѣкоторымъ читателямъ, что это произведеніе не имѣетъ нравственной цѣли. Мнѣ было бы вчужѣ досадно, если бъ нашлись такіе, которые не поняли бы истинно похвальной цѣли, съ которою написано и напечатано упомянутое стихотвореніе, и которая приноситъ особенную честь Сочинителю. Могутъ найтись люди, неодаренные особенною проницательностію, которые вздумаютъ искать опредѣленнаго смысла въ таинственныхъ звѣздочкахъ, находящихся въ упомянутомъ стихотвореніи, — и что тогда скажетъ Издатель Карманной Книжки, Г. Олинъ, извѣстный въ общественной словесности образцовыми своими произведеніями: *Кальвонъ* и *Корсеръ*?... Что скажетъ Г. Олинъ, которому, какъ извѣстно изъ его Карманной Книжки, и прежде почему-то весьма не нравилось упомянутое стихотвореніе?... Что скажетъ сей многопросвѣщенный мужъ, увидѣвъ, что *мелкая козявка* прежняго изданія обратилась въ нынѣшнемъ въ *мелкую букашку*?... Увы!... Букашка козявки стоитъ! воскликнетъ онъ въ полномъ смиреніи сердца; и читатели его повторятъ стройнымъ хоромъ: *стобитъ! стобитъ!*“ Имя Раича подсказано въ упомянутой замѣткѣ „Библиогр. Записокъ“, но, можетъ быть, вмѣсто Раича, дѣйствительно, надо читать: Рюминъ, т. е. Бестужевъ-Рюминъ, и, можетъ быть, это-то обстоятельство и было причиной озлобленія издателя „Сѣвернаго Меркурія“.

Ни въ показаніяхъ Плетнева, ни въ приведенной полемикѣ имя Раича вовсе не упоминается, и весьма вѣроятно, что, кивая другъ на друга, Бестужевъ-Рюминъ и

Олинъ оба были правы, и интересующіе насъ два стиха надо читать:

Вотъ Рюминъ, черная мурашка,
Вотъ Олинъ, мелкая букашка.

Такое чтеніе къ тому же соотвѣтствуетъ литературно-нравственнымъ обликамъ обоихъ. Олинъ былъ только ничтоженъ, но Бестужевъ-Рюминъ былъ вполне гадокъ и черенъ.

IV.

Хронологія разсказа о Дуровѣ.

Небольшой разсказъ Пушкина о чудакаѣ В. А. Дуровѣ, братѣ „кавалеристъ-дѣвицы“, впервые напечаталъ П. В. Анненковъ въ своемъ изданіи сочиненій Пушкина (V, 12—13) и отнесъ его къ тридцатымъ годамъ, между прочимъ, „по простому, но превосходному изложенію“. П. А. Ефремовъ въ первомъ и второмъ своемъ изданіи сочиненій Пушкина (т. V, 1880 г., стр. 332, 528; 1882 г., стр. 327, 493) датировалъ разсказъ 1836 г., объясняя, что „указаніе на изданіе записокъ Дуровой съ точностью опредѣляетъ 1836 г.“ (у Пушкина сказано: „братъ той Дуровой, которая... теперь издаетъ свои записки“). Ссылаясь на подлинную рукопись съ помѣтою 1833 г., П. О. Морозовъ (изд. Литерат. фонда, V, 198—199) датировалъ разсказъ 1833 г. (ср. изд. „Просвѣщенія“, VII, 5, 40). П. А. Ефремовъ тогда отнесъ его въ своемъ послѣднемъ изданіи (Суворина, V, 594; VIII, 577) къ 1833 г., также ссылаясь на помѣту рукописи.

Однако, первоначальное указаніе Ефремова на изданіе записокъ Дуровой нисколько не поколеблено въ своей цѣльности. Въ 1833 г. записки Дуровой еще не издавались. Кромѣ того, въ концѣ наброска о Дуровѣ Пушкинъ говоритъ: „недавно получилъ я отъ него письмо. Онъ пи-

шетъ: исторія моя коротка: я женился, а денегъ все нѣтъ. Я отвѣчалъ ему: жалѣю, что изъ 100,000 способовъ достать 100,000 рублей ни одинъ еще, видно, вамъ не удался“. Это письмо Пушкина извѣстно („Русск. Стар.“ 1890, сент., 665), и въ немъ дѣйствительно находятся эти строки: „поздравляю васъ съ новымъ образомъ жизни“ (т. е. съ женитьбой). „Жалѣю, что изъ ста тысячъ способовъ достать 100,000 рублей ни одинъ еще вами съ успѣхомъ, кажется, не употребленъ“; написано письмо 16 июня 1835 г. Письмо Дурова, на которое оно служить отвѣтомъ, неизвѣстно, но, судя по отвѣту Пушкина, Дуровъ предлагалъ въ немъ Пушкину издать записки сестры, которыя Пушкинъ получилъ въ слѣдующемъ году (см. его письма къ самой Н. А. Дуровой 19 января и къ Дурову 17 или 27 марта 1836 г.). Значитъ, рассказъ о Дуровѣ нельзя отнести къ времени раньше 1835 года. Въ рукописи рассказъ датированъ *3 октября 183?*. Последняя цифра, очевидно, написана неразборчиво. По небрежному начертанію на цифру 3 скорѣе можетъ быть похожа цифра 5, чѣмъ 6; къ тому же слова Пушкина: „недавно получилъ я отъ него письмо“ указываютъ на 1835 годъ, а не на 1836, когда Пушкинъ скорѣе написалъ бы: „въ прошломъ году“ и едва ли повторилъ бы съ такою точностью слова своего письма.

Эпиграмма, замѣтка и два наброска Пушкина.

У насъ нѣтъ еще ни одного собранія сочиненій Пушкина, которое можно было бы назвать совершенно полнымъ. До сихъ поръ еще не составленъ даже исчерпывающій списокъ его произведеній, не подвергнуты точному изслѣдованію тѣ основанія, по которымъ иныя стихотворенія или прозаическія замѣтки безспорно припи-

сываются въ литературѣ Пушкину, инья, связываемыя съ его именемъ, — отвергаются. О ждущихъ своей очереди въ Академическомъ изданіи рукописяхъ Майковской и Онягинской коллекцій и говорить нечего, — но лишь недавно пишущему эти строки удалось обнаружить на страницахъ „Литературной Газеты“ 1830 и 1831 гг. нѣсколько замѣтокъ и большую рецензію Пушкина, не обратившихъ на себя вниманія ни одного изслѣдователя или издателя. Продолжая свои разысканія, мы пришли къ выводу, что Пушкину принадлежатъ также одна эпиграмма, появившаяся въ „Сѣверныхъ Цвѣтахъ“ на 1830 г., и небольшая замѣтка о повѣсти Батюшкова. Съ эпиграммой, замѣткой, а также съ незамѣченнымъ издателями началомъ сказки объ Ильѣ Муромцѣ мы познакомили читателей на столбцахъ „Рѣчи“ (1910 г., № 52, 22 февраля; № 79, 22 марта; № 45, 15 февраля). Нынѣ считаемъ нелишнимъ воспроизвести эти сообщенія, съ нѣкоторыми измѣненіями, здѣсь, на страницахъ органа, специально посвященнаго изученію Пушкина, и присоединяемъ къ нимъ замѣтку о первыхъ четырехъ стихахъ извѣстнаго „Конька-Горбунка“, тоже принадлежащихъ Пушкину.

V.

Арзамасская эпиграмма.

ЭПИГРАММА.

Сѣдой Свистовъ! ты царствовалъ со славою;
 Пора, пора! сложи съ себя вѣнецъ:
 Питомецъ твой молодой, цвѣтущій, здоровой
 Тебя смѣнитъ, великій нашъ пѣвецъ!
 Се: внемлетъ мнѣ маститый собесѣдникъ,
 Свершается судьбины произволь,
 Является молодой его наслѣдникъ:
 Свистовъ II вступаетъ на престолъ!

Арз.

Есть серьезныя основанія приписывать эту эпиграмму, напечатанную въ „Сѣверныхъ Цвѣтахъ“ на 1830 годъ¹⁾, не кому другому, какъ нашему величайшему поэту.

Псевдонимъ, которымъ подписана „Эпиграмма“, не раскрытъ въ современной Пушкину литературѣ; въ той же книжкѣ „Сѣверныхъ Цвѣтовъ“ онъ только повторенъ въ оглавленіи (стр. IV), рядомъ съ именами Пушкина же, а также Боратынскаго, Вяземскаго, Дельвига, Подолинскаго, Вас. Туманскаго, Теплякова, Хомякова и другихъ популярныхъ поэтовъ пушкинской эпохи. Раскрытіе псевдонима мы встрѣтили въ статьѣ С. Желѣзняка (С. И. Пономарева): „Матеріалы для словаря псевдонимовъ“ („Календарь Суворина“ на 1881 г., стр. 282), гдѣ указано: „Арз. (Арзамасецъ)—А. С. Пушкинъ“, и въ книгѣ В. С. Карцова и М. Н. Мазаева „Опытъ словаря псевдонимовъ русскихъ писателей“, С.-Пб. 1891, стр. 10, гдѣ сообщается: „Арз. („Сѣверные Цвѣты“ 1830 г.) А. С. Пушкинъ“. С. И. Пономаревъ не указываетъ источника своего сообщенія; въ „Опытѣ словаря псевдонимовъ“ немало ошибокъ, но какъ разъ въ данномъ случаѣ всѣ три составителя словаря, повидимому, не ошиблись, если объяснили псевдонимъ „Арз.“ по простой догадкѣ, не располагая никакими точными свѣдѣніями изъ авторитетнаго источника. Кромѣ нихъ, никто не обратилъ вниманія на „Эпиграмму“, несмотря на то, что во всей мириадѣ альманаховъ двадцатыхъ и тридцатыхъ годовъ „Сѣверные Цвѣты“, постояннымъ участникомъ которыхъ былъ Пушкинъ, всегда были особенно популярны и наиболѣе читаемы. Стихотворенія не замѣтилъ ни одинъ изъ издателей собраній произведеній Пушкина, а ему скорѣе должно быть отведено въ нихъ мѣсто, чѣмъ многимъ апокрифическимъ стихамъ, которые до сихъ поръ засо-

---

1) „Поэзія“, стр. 97.

ряютъ даже лучшія изданія. Подлинникъ пьесы неизвѣстенъ, но повидимому она упоминается, какъ сообщилъ намъ П. О. Морозовъ, въ одномъ изъ находящихся въ Майковской коллекціи рукописей Пушкина перечней стихотвореній, гдѣ, рядомъ съ посланіемъ „Къ вельможѣ“, отмѣчено: „Сѣдой Хв.“, т. е. „Сѣдой Хвостовъ“... „Эпиграмма“ носить всѣ признаки принадлежности перу Пушкина и съ нею связывается любопытный эпизодъ.

„Свистовымъ“ въ сатирической литературѣ пушкинскихъ временъ называли знаменитаго метромана графа Д. И. Хвостова, по чьему-то (едва ли не Пушкина) мѣткому выраженію страдавшаго „недержаніемъ стиховъ“. „Свистовымъ“ называлъ Хвостова и Пушкинъ („Городокъ“, „Моему Аристарху“). До насъ дошли уморительныя пародіи на Хвостова, сочинявшіяся молодыми новаторами-карамзинистами въ безшабашно-веселыхъ засѣданіяхъ прославленнаго литературнаго общества „Арзамасъ“. Пушкинъ не только раздѣлялъ литературныя взгляды „Арзамаса“, но еще на лицейской скамьѣ принадлежалъ къ нему въ качествѣ неприсутствующаго члена. Выйдя изъ Лицея, онъ вступилъ въ „Арзамасъ“ на правахъ дѣйствительнаго члена и при этомъ произнесъ, согласно обычаю, вмѣсто вступительной рѣчи, юмористическое надгробное похвальное слово кому-то изъ литературныхъ противниковъ¹⁾ (отъ этого слова извѣстны только незначительные фрагменты). Подъ посланіемъ 1817 года „Къ Жуковскому“, содержащимъ своего рода программу дѣятельности „Арзамаса“, Пушкинъ подписался: „Арзамасецъ“. Подъ статьей „О Г-жѣ Сталь и Г-нѣ М.“ въ „Московскомъ Телеграфѣ“ 1825 г. Пушкинъ

---

1) П. И. Бартенева, „А. С. Пушкинъ. Матеріалы для его біографіи“ — „Московск. Вѣдом.“ 1855 г., № 142, и отд. отт., М., 1855, гл. 3, стр. 14—15. См. Сочин. Пушкина, изд. С. А. Венгерова, т. I, мои примѣчанія на стр. 430, 446.

подписался: „Ст. Ар.“, т. е. „Старый Арзамасецъ“. Эти подписи объясняютъ и псевдонимъ „Арз.“. Несомнѣнно „Арз.“ значитъ — „Арзамасецъ“. И по содержанію интересующей насъ „Эпиграммы“, и по имени Свистова, и по подписи ясно, что это стихотвореніе относится къ временамъ „Арзамаса“ и представляетъ собою одинъ изъ слѣдовъ его дѣятельности. Въ числѣ участниковъ „Сѣверныхъ Цвѣтовъ“ 1830 г. мы находимъ лишь двухъ бывшихъ арзамасцевъ — Пушкина и князя П. А. Вяземскаго. Но ни „Арзамасцемъ“, ни „Арз.“ Вяземскій никогда не подписывался; этихъ псевдонимовъ нѣтъ въ полномъ спискѣ его псевдонимовъ, который составилъ, пользуясь его же указаніями, извѣстный библіографъ С. И. Пономаревъ¹⁾. И вообще нигдѣ больше не встрѣчаются подписи: „Арзамасецъ“ и „Арз.“. Кто же, кромѣ Пушкина, могъ подписаться этимъ псевдонимомъ въ „Сѣверныхъ Цвѣтахъ“? Въ той же книжкѣ альманаха, гдѣ помѣщена „Эпиграмма“, напечатаны еще отрывокъ изъ седьмой главы „Евгенія Онѣгина“ и восемь стихотвореній Пушкина, съ его фамиліей и указаніемъ его, какъ автора, въ оглавленіи. Рядомъ съ такими пьесами, какъ „Зимній вечеръ“ или „Я васъ любилъ“..., конечно, „Эпиграмма“, по всей вѣроятности, юношеская, не заслуживала подписи. Тономъ „Эпиграмма“ напоминаетъ „Оду Его Сіятельству графу Д. И. Хвостову“, которою Пушкинъ почтилъ въ 1825 году стараго графомана. Кого разумѣлъ поэтъ подъ именемъ наслѣдника Хвостова, мудроно сказать: и въ ту эпоху, какъ всегда, много было стихотворцевъ, достойныхъ вѣнца Хвостова.

Однако, вскорѣ послѣ выхода въ свѣтъ альманаха нашелся литераторъ, принявшій эпиграмму на свой счетъ и узнавшій въ ней себя. Это былъ журналистъ болгарин-

1) Сборн. Отдѣл. Русск. яз. и словесн. И. Акад. Наукъ, т. XX, прилож., „Памяти князя П. А. Вяземскаго“, стр. 140—141.

скаго толка М. А. Бестужевъ-Рюминъ, въ свое время извѣстный (онъ былъ къ тому же горькій пьяница) подъ именемъ Безстыжева-Рюмкина, типичный представитель того журнализма, который въ наши дни такъ размножился и процвѣлъ. Бестужевъ-Рюминъ не разъ выступалъ противъ Пушкина, который, однако, не удостоивалъ его прямого отвѣта. Въ 1829 г. онъ издалъ альманахъ „Сѣверная Звѣзда“, въ которомъ позволилъ себѣ напечатать нѣсколько стихотвореній Пушкина безъ разрѣшенія автора, да еще въ предисловіи имѣлъ смѣлость благодарить какого-то несуществующаго „Ап.“, „доставившаго къ нему тринадцать пьесъ (изъ коихъ нѣсколько помѣщено въ сей книжкѣ)“. Пушкинъ былъ возмущенъ наглостью Бестужева-Рюмина, который не только не просилъ у него разрѣшенія напечатать его стихи, но даже объявилъ, что „не всѣ удостоились напечатанія“. Въ извѣстныхъ подъ заглавіемъ „Альманашикъ“ наброскахъ (повидимому, для бытовой комедіи) Пушкинъ выводитъ Бестужева-Рюмина подъ именемъ Безстыдина. Стоитъ замѣтить, что въ „Сѣверной Звѣздѣ“, гдѣ безъ разрѣшенія Пушкина были напечатаны его стихи, великій поэтъ былъ вдобавокъ обруганъ.

Булгаринская партія въ полемикѣ съ лагеремъ, къ которому принадлежалъ Пушкинъ, охотно прибѣгала къ самымъ некрасивымъ и грубымъ приемамъ и неделикатнымъ намекамъ. Такъ, барона Дельвига эти полемисты называли „баронъ Шнапсъ фонъ-Габенихтсъ“. Чтобы сдѣлать ясными намеки на Пушкина, беззубыя и ругательныя пародіи подписывали псевдонимами: „Ома Пищалинъ“ или „Аффриканъ Желтодомовъ“ (намекъ на происхожденіе Пушкина съ материнской стороны). Такой же милый обычай надѣялся Бестужевъ-Рюминъ найти у своихъ противниковъ. Онъ подписывался „Аристархъ Завѣтный“ или, сокращенно, „Ар. З.“. Увидѣвъ въ

„Сѣверныхъ Цвѣтахъ“ подпись • „Арз.“ подѣ эпиграммой, онъ отнесъ ее къ себѣ и немедленно помѣстилъ въ своей газеткѣ „Сѣверный Меркурій“¹⁾ слѣдующій отвѣтъ:

Къ Арз.,

въ отвѣтъ на его эпиграмму, напечатанную въ „Сѣверныхъ Цвѣтахъ“ на 1830 годъ, стр. 97.

Чтобъ подслужиться въ Альманахъ
Своимъ произведеньемъ новымъ,
Въ нескладныхъ ты своихъ стихахъ
Меня зовешь *вторымъ Свистовымъ*,
Но ихъ прочтя, всѣ говорятъ,
Что сталъ писать ты вяло, братъ.
Смотри: не будь *вторымъ Вралевымъ!*...

Ар. З.

„Вралевъ“, упоминаемый въ этой плоской эпиграммѣ, не указываетъ ни на какое опредѣленное лицо; это просто прозваніе бездарнаго писателя. Покойный изслѣдователь литературы 20—30-хъ гг. В. П. Гаевскій²⁾ раздѣлялъ убѣжденіе Бестужева-Рюмина, что „Эпиграмма“ направлена противъ него и „для большей ясности подписана Арз., т. е. *Аристархъ Завѣтный*“. Однако, это несомнѣнно не такъ, и Бестужевъ-Рюминъ ошибся, принимая въ пылу полемики эти стихи на свой счетъ. Если бы Пушкинъ вздумалъ отвѣчать ему, отвѣтъ былъ бы далеко не такъ невиненъ и, для усиленія удара, былъ бы подписанъ именемъ поэта, какъ подписана помѣщенная въ той же книжкѣ „Сѣверныхъ Цвѣтовъ“ ядовитая эпиграмма его на

---

1) 1830 г., № 3, 6 января, стр. 12.

2) „Дельвигъ“, статья IV — „Современникъ“ 1854 г., т. 47, отд. III, стр. 31.

Н. И. Надеждина; сравненіе съ безобиднымъ Хвостовымъ, который не былъ ни литературнымъ плутомъ, ни клеветникомъ, ни пасквилянтомъ, было слишкомъ лестно для Бестужева-Рюмина, вообще нисколько не походившаго на Хвостова. Просто Бестужевъ былъ склоненъ приписывать своимъ противникамъ свои обычные полемическіе приемы, и подпись „Арз.“ ввела его въ заблужденіе, легко объяснимое для насъ. Пушкинъ же вовсе не имѣлъ его въ виду и велъ борьбу съ болѣе крупными экземплярами его породы, слѣдуя своему правилу: „лакей сиди себѣ въ передней, а будетъ съ бариниомъ разсчетъ“...

На этомъ Бестужевъ-Рюминъ не остановился. Вскорѣ, когда разгорѣлась война между Булгаринымъ и „Литературной Газетой“, душою которой былъ Пушкинъ, издатель „Сѣвернаго Меркурія“ сталъ усердно поддерживать Булгарина и всячески нападать на Пушкина. „Говорятъ, что сталъ писать ты вяло, братъ“, обращался онъ къ Пушкину въ своемъ неожиданномъ отвѣтѣ на его „Эпиграмму“. Такъ думалъ тогда не одинъ Бестужевъ-Рюминъ. Вышедшая годъ назадъ „Полтава“, по словамъ самого Пушкина, „не имѣла успѣха“; стали поговаривать, что Пушкинъ „исписался“, и тотъ же Бестужевъ въ сатиры „Сплетница“¹⁾ опять говорилъ, что „Александра Сергѣевна“ (то есть Пушкинъ) „была прежде изъ лучшихъ мастерицъ въ своемъ родѣ, но, начавъ лѣниться, стала рукодѣльничать плохо, думая, что покупатели не разглядятъ истиннаго достоинства новой ея работы, которая по-прежнему будетъ сходить съ рукъ удачно“... и т. д.²⁾ На эти выходки, конечно, отчасти вліяла неправильно понятая Бестужевымъ - Рюминимъ

---

1) „Сѣверный Меркурій“ 1830 г., № 50, 25 апрѣля, стр. 197, ст. 2.

2) См. *ibid.*, № 49, 23 апрѣля, стр. 195, ст. 2.

„Эпиграмма“. По его отвѣту видно, что онъ зналъ, кто авторъ „Эпиграммы“, и это свидѣтельство современника — еще одно доказательство, что она вышла изъ-подъ пера Пушкина.

VI.

Замѣтка о повѣсти Батюшкова.

Въ январѣ 1831 г. внезапно умеръ лучшій другъ Пушкина, его „братъ названный“, Дельвигъ, издававшій нѣсколько лѣтъ сряду „Сѣверные Цвѣты“. Послѣ Дельвига остались не только вдова, но и младшіе, несамостоятельные братья, пользовавшіеся поддержкой покойнаго. Никакихъ средствъ у семьи не было, и Пушкинъ первый изъ всѣхъ друзей Дельвига пришелъ ей на помощь. Добрый и деликатный поэтъ далъ вдовѣ Дельвига, подъ благовиднымъ предлогомъ, значительную денежную сумму и, не довольствуясь этимъ, задумалъ издать къ предстоящему 1832 году слѣдующій выпускъ „Сѣверныхъ Цвѣтовъ“ въ пользу семьи друга. Кромѣ того, ему хотѣлось „Сѣверными Цвѣтами“ достойно помянуть Дельвига, справить по немъ „поэтическую тризну“. Самъ онъ далъ для „Сѣверныхъ Цвѣтовъ“ нѣсколько стихотвореній (въ томъ числѣ „Трудъ“, „Эхо“, „Бѣсы“, „Анчаръ“) и „Моцарта и Сальери“ и сталъ усердно добывать у друзей и знакомыхъ матеріалы для альманаха и даже заблаговременно заботился о распространеніи книги. У Языкова, Вяземскаго, Боратынскаго, Θεодора Глинки Пушкинъ просилъ и прозу, и стихи, писалъ имъ, не лѣнился напоминать и вообще былъ очень дѣятеленъ¹⁾. Осенью альма-

---

1) „Переписка Пушкина“, акад. изд., II, 221, 225, 231, 277, 281, 283, 288, 314, 320, 321, 339, 340, 342, 343, 344, 363, 366. См. также письмо О. М. Сомова къ М. А. Максимовичу 28 сентября 1831 г. („Современникъ“ 1854 г., т. XLVII, критика, стр. 60—61; „Русск. Арх.“ 1908 г., III, 264—265; В. В. Даниловъ, „Литературные матеріалы и очерки“, Варш. 1908, стр. 26—27, оттискъ изъ „Русс. Филолог. Вѣстника“). Пушкинъ не

нахъ былъ готовъ (процензурованъ 9 октября 1831 года). „Сѣверные Цвѣты“ на 1832 годъ появились благодаря Пушкину, бывшему не только инициаторомъ ихъ, но и редакторомъ.

Альманахъ открывается „старинной повѣстью“ К. Н. Батюшкова „Предслава и Добрыня“. Ей предпослано слѣдующее примѣчаніе (отд. „Проза“, стр. 1—2).

„Повѣсть сія сочинена Батюшковымъ въ деревнѣ (1810 года) и подарена одному любителю словесности, которому свидѣтельствуемъ искреннюю благодарность за сообщеніе драгоценной сей рукописи и за позволеніе напечатать оную. Можетъ быть найдутъ въ этой повѣсти недостатокъ созданія и народности, можетъ быть скажутъ, что въ ней не видно древней Руси и двора Владимира; какъ бы то ни было, но поэтическая душа Батюшкова отсвѣчивается въ ней, какъ и въ другихъ его произведеніяхъ, и нѣжныя, благородныя чувствованія выражены прекраснымъ гармоническимъ слогомъ“.

Подъ замѣткой нѣтъ никакой подписи. Тѣмъ не менѣе, принадлежность ея перу Пушкина несомнѣнна. За

принялъ для „Сѣв. Цвѣтовъ“ на 1832 г. одного стихотворенія Боратынскаго („Татевскій сборникъ“, стр. 39, пис. № 29). Анненковъ называетъ Пушкина издателемъ альманаха въ этомъ году (Соч. Пушкина, т. II. 1855 г., стр. 498). Вяземскому Пушкинъ 8 сентября 1831 г. напоминалъ о матеріалѣ для „Сѣв. Цвѣтовъ“ („Русс. Библиофилъ“ 1911 г., № 5, стр. 19). Сохранившіеся въ библиотекѣ Пушкина до нашихъ дней четыре экземпляра „Сѣв. Цвѣтовъ“ на 1832 г. („Пушкинъ и его современники“, IX—X, стр. 123) указываютъ, что онъ распространялъ альманахъ въ качествѣ его издателя. Издателемъ его называетъ Пушкина и П. А. Плетневъ („Ал—дръ С—чь Пушкинъ“ — „Современникъ“ 1838 г., т. X, стр. 46—48)¹⁾. Хотя въ альманахѣ нѣтъ указанія, что издалъ его Пушкинъ, книгопродавцы, однако, знали это и объявили поэта издателемъ („С.-Пб. Вѣдом.“ 1832 г., № 7, января 9, прибавл., стр. 43; см. Ф. Витбергъ, „Литературно-библиографическія замѣтки“ — „Сѣв. Вѣстн.“ 1895 г., № 9, стр. 328).

---

¹⁾ У П. А. Плетнева (внука писателя) сохраняется экземпляръ „Сѣверныхъ Цвѣтовъ на 1832 годъ“ съ надписью Пушкина: „Плетневу отъ Пушкина Въ память Дельвига. 1832 15 Февр. С.П.Б.“ *Б. М.*

это ручается не только то обстоятельство, что Пушкинъ редактировалъ „Сѣверные Цвѣты“ на 1832 г., но и самый стиль ея, обычный, строгій прозаическій стиль Пушкина, и кому этотъ стиль знакомъ, кто въ него вчитался, тотъ сейчасъ же узнаетъ Пушкина. „Гармоническій“, „гармонія“ въ примѣненіи къ слогу, стиху (особенно стиху Батюшкова) — одно изъ очень частыхъ выраженій у Пушкина¹⁾. Употребленіе слова „народность“ въ замѣткѣ о Батюшковѣ вполне сходится съ представленіемъ Пушкина о народности въ литературѣ: „одинъ изъ нашихъ критиковъ“, — писалъ онъ, — „кажется, полагаетъ, что народность состоитъ въ выборѣ предметовъ изъ отечественной исторіи. Другіе видятъ народность въ словахъ, оборотахъ, выраженіяхъ, т. е. радуются тому, что, изъясняясь по-русски, употребляютъ русскія выраженія. Народность въ писателѣ есть достоинство, которое вполне можетъ быть оцѣнено одними соотечественниками: для другихъ оно или не существуетъ, или даже можетъ показаться порокомъ. Ученый нѣмецъ негодуетъ на учтивость героевъ Расина; французъ смѣется, видя въ Кальдеронѣ — Коріона, вызывающаго на дуэль своего противника, и проч. Все это, однако жъ, носитъ печать народности. Есть образъ мыслей и чувствованій, есть тѣмъ обычаевъ, повѣрій и привычекъ, принадлежащихъ исключительно какому-нибудь народу“... Съ этой точки зрѣнія Пушкинъ не могъ не осудить и дѣйствительно осудилъ повѣсть Батюшкова, и это осужденіе ясно слышится въ словахъ: „можетъ быть найдутъ“... и т. д.; Пушкинъ хвалитъ только самого Батюшкова и, не безъ преувеличенія, его слогъ. Самая же повѣсть для него, и вообще для всякаго читателя 1832 г., представляла развѣ историческій

---

1) Л. Майковъ, „Пушкинъ. Біографическіе матеріалы и историко-литературные очерки“, С.-Пб. 1899, стрр. 294, 310, 311.

интересъ. Она написана въ духѣ слащавой, фантастической „народности“, которая была модной въ русской литературѣ начала XIX вѣка и питалась не менѣе фальшивой „исторіей“, археологіей и миеологіей вродѣ „Versuch einer Slavischen Mythologie“ А. С. Кайсера.

Первый въ этомъ духѣ сталъ писать Карамзинъ, котораго Батюшковъ въ стихотвореніи „Мои Пенаты“ хвалитъ за то, что онъ „описываетъ намъ... древню Русь и нравы Владиміра времянь“; на эти-то слова, вѣроятно, и намекаетъ Пушкинъ, говоря, что въ повѣсти Батюшкова „не видно древней Руси и двора Владимірова“. Батюшковъ, впрочемъ, и самъ понималъ это, хотя и увѣрялъ: „Мы не позволяли себѣ большихъ отступленій отъ исторіи“, и не печаталъ „Предславы и Добрыни“. Повѣсть появилась въ печати тогда, когда Батюшковъ, неизлѣчимо душевно-больной, давно уже влачилъ жалкое, безсознательное существованіе. Въ 1830 г. Пушкинъ видѣлъ его, заговорилъ съ нимъ, но Батюшковъ его не узналъ¹⁾. Вотъ почему Пушкинъ благодарилъ за позволеніе напечатать „Предславу и Добрыню“ не его, а „одного любителя словесности“, — по предположенію Л. Н. Майкова²⁾, А. И. Тургенева³⁾ или А. Н. Оленина.

И по языку, и по содержанію замѣтки ясно, что она могла быть написана не Сомовымъ, не Плетневымъ, близко стоявшими къ „Сѣвернымъ Цвѣтамъ“, а только Пушкинымъ; къ тому же, ее никому другому и приписать нельзя, кромѣ Пушкина, который редактировалъ тотъ альманахъ, въ которомъ была напечатана повѣсть Ба-

1) Ibid., 289.

2) Сочин. К. Н. Батюшкова, изд. Л. Н. Майкова, II, 396.

3) Отъ А. И. Тургенева получили кое-что изъ произведеній Батюшкова для своихъ изданій Б. М. Оедоровъ (Переписка Пушкина, I, 372, письмо барона А. А. Дельвига) и А. О. Воейковъ (Сочин. Батюшкова, изд. Майкова, I, 420).

тюшкова. Какъ ни мала замѣтка, въ ней Пушкинъ выразилъ свое мнѣніе объ одномъ изъ своихъ ближайшихъ учителей-поэтовъ и съ благодарной снисходительностью постарался найти достоинство въ вещи, которая по существу не могла ему нравиться.

VII.

Начало сказки объ Ильѣ Муромцѣ.

Въ славной въ Муромской землѣ
Въ Карачаровѣ селѣ
Жилъ былъ дьякъ съ своей дьячихой
Подъ конецъ ихъ жизни тихой
Богъ отраду имъ послалъ
Сына имъ онъ даровалъ.

Первый стихъ первоначально былъ начатъ словами: „Жилъ былъ“, но они зачеркнуты. Стихи дошли до насъ въ подлинникѣ; они находятся въ маленькой записной тетрадкѣ, вынутой изъ бумажника, въ который она была вставлена, и хранящейся въ Рукописномъ Отдѣленіи Имп. Публичной Библиотеки. Что очень характерно для нашихъ библиографовъ и издателей, — ихъ нѣтъ ни въ одномъ изъ вышедшихъ въ послѣднія двадцать лѣтъ собраній сочиненій Пушкина, несмотря на то, что они были напечатаны (съ небольшими, впрочемъ, неточностями) въ отчетѣ Имп. Публ. Библ. за 1889 г. (стр. 57). Такимъ образомъ, этотъ отрывокъ затерялся въ весьма нераспространенномъ изданіи и ускользнулъ даже отъ вниманія специалистовъ. Благодаря даннымъ, представляемымъ записной тетрадкой, въ которой онъ находится, можно опредѣлить съ нѣкоторымъ „приближеніемъ“ его дату. Въ эту тетрадку поэтъ внесъ замѣчанія и наблюдения, сдѣланные во время поѣздки осенью 1833 г. въ края, гдѣ

когда-то широко развернулись грозныя событія пугачевщины. Мы находимъ въ ней замѣтки, вскорѣ пригодившіяся Пушкину для „Исторіи Пугачевского бунта“, рисунки, историческую народную пѣсню, первые четыре стиха которой Пушкинъ напечаталъ въ примѣчаніяхъ къ „Исторіи“ (вся она помѣщена въ Отчетѣ, стр. 56) и начало другой пѣсни (л. 4):

Ур.[альски] Казаки
Были дураки
Генерала убили
Госуд...

Упоминаются станціи, черезъ которыя пришлось Пушкину проѣзжать, указаны разстоянія между ними, записаны денежныя расходы. Есть и хронологическія помятки. Такъ, подъ однимъ рисункомъ подписано (л. 1 об.): „Смоленская гора, церковь съ кол. 1) и домъ Карамзина. 15 сент. Волга“; дѣйствительно, Пушкинъ провелъ въ Симбирскѣ, на родинѣ Карамзина, дни 10—14 сентября 1833 года. А на той самой страницѣ (л. 7 об.), гдѣ написаны стихи „Въ славной въ Муромской землѣ...“, записано и забавное замѣчаніе: „нынче калмыки такъ обрусѣли, что готовы съ живого шкуру содрать (слова Мордвина, 16 сент.)“. По этимъ датамъ можно отнести стихотвореніе къ серединѣ сентября 1833 года. Тетрадка вся исписана карандашомъ. Поэтъ пользовался ею только въ дорогѣ; въ дорогѣ были начаты и эти стихи.

По стилю и по стройному размѣру видно, что мы имѣемъ дѣло не съ записью народной пѣсни, а съ оригинальнымъ переложеніемъ въ стихи народнаго сказанія объ Ильѣ Муромцѣ. Пушкинъ тогда усердно изучалъ народное

---

1) Т. е. колокольной.

творчество и самъ писалъ въ его духѣ. Вскорѣ, по окончаніи своей поѣздки, онъ написалъ въ Болдинѣ „Сказку о рыбацкѣ и рыбкѣ“, „Сказку о мертвой царевнѣ и о семи богатыряхъ“. Любимый же богатырь русскаго эпоса занималъ его давно, и его имя мы встрѣчаемъ нѣсколько разъ въ относящейся къ 1822 году программѣ эпической поэмы, полуфантастическаго содержанія, матеріаломъ для которой должны были служить былинный эпосъ и древняя русская исторія. Среди дѣйствующихъ въ ней богатырей кievскаго цикла видная роль отводилась Ильѣ Муромцу¹⁾, о которомъ въ программѣ, между прочимъ, говорится: „Иля въ молодости обрюхатилъ царевну татарскую — она вышла замужъ, объявила сыну, сынъ ѣдетъ отыскивать отца... Иля встрѣчаетъ своего сына, сражается съ нимъ... Иля находитъ пустытника, который пророчествуетъ ему участь Россіи“... Но дальше программы, довольно сложной и запутанной, дѣло не пошло, и къ Ильѣ Пушкинъ возвратился лишь спустя одиннадцать лѣтъ. Этого популярнаго богатыря поэтъ зналъ давно не только по народнымъ пѣснямъ (и по Киршѣ Данилову), но и по „Богатырской сказкѣ“ Карамзина „Илья Муромецъ“, оказавшей свою долю вліянія на „Руслана и Людмилу“.

Обращая вниманіе на пушкинскія *записи* народныхъ пѣсенъ, безъ всякой примѣси личнаго творчества великаго поэта (впрочемъ, двѣ изъ нихъ, изданныя П. А. Безсоновымъ въ „Пѣсняхъ, собранныхъ П. В. Кирѣевскимъ“, впервые внесены въ собраніе произведеній Пушкина лишь С. А. Венгеровымъ), издатели и комментаторы Пушкина совершенно упустили изъ виду *оригинальное* переложеніе начала сказанія объ Ильѣ Муромцѣ. А вѣдь всякая строчка Пушкина интересна и дорога.

---

1) См. „Русск. Стар.“ 1884 г., май, 328, 329, 332.

VIII.

Начало сказки „Конекъ-Горбунукъ“.

За горами, за лѣсами,
За широкими морями,
Противъ неба, на землѣ,
Жилъ старикъ въ одномъ селѣ...

Эти четыре стиха, которыми начинается знаменитая сказка П. П. Ершова „Конекъ-Горбунукъ“, — „по свидѣтельству г-на Смирдина, принадлежатъ Пушкину, удостоившему ее тщательнаго пересмотра“, говоритъ П. В. Анненковъ¹⁾. Свидѣтельству Смирдина нельзя не вѣрить. Этотъ честный и благородный издатель не только довольно близко зналъ Пушкина и вообще вращался въ томъ литературномъ кругу, центромъ котораго былъ Пушкинъ, но и издавалъ „Библіотеку для чтенія“, гдѣ въ 1834 г. (т. III) былъ помѣщенъ отрывокъ изъ сказки, и тогда же выпустилъ всю сказку отдѣльнымъ изданіемъ.

Великій поэтъ, какъ извѣстно, доброжелательно и внимательно относился къ молодымъ талантамъ. Ершова, которому во время появленія въ печати „Конька-Горбунка“, шелъ 19-й годъ, представилъ Пушкину, вѣроятно, П. А. Плетневъ, читавшій русскую литературу въ Петербургскомъ Университетѣ, гдѣ Ершовъ тогда учился по философско-юридическому факультету. Пушкинъ, по словамъ Ершова, который рассказывалъ объ этомъ своему другу (и впоследствии біографу) А. К. Ярославцову, былъ очень доволенъ „Конькомъ-Горбункомъ“ и сказалъ молодому автору: „теперь этотъ родъ сочиненій можно мнѣ и оставить“. Въ 1860 г. эти слова Пушкина повторилъ Ярославцову баронъ Е. О. Розенъ,

---

1) „Матеріалы для біографіи Пушкина“, изд. 1855 г., стр. 166, примѣч.

бывшій тогда у Пушкина и слышавшій его разговоръ съ Ершовымъ¹⁾).

Это было, вѣроятно, въ 1834 году. Дѣйствительно, въ сентябрѣ 1834 года Пушкинъ написалъ свою послѣднюю сказку, — „Сказку о золотомъ пѣтушкѣ“, и больше къ „этому роду сочиненій“ не вернулся. Самые стихи, которыми начинается сказка, набросаны, надо думать, немного ранѣе этого времени, въ томъ же году.

IX.

Изъ „Журнала“ И. М. Снегирева (1825—1827 гг.), о Пушкинѣ.

Пользуясь любезностью В. М. Андерсона, завѣдывающего библиотекою Н. К. Синягина, извлекаю изъ ненапечатанной еще тетради дневника извѣстнаго цензора, археолога и этнографѣ, профессора Московскаго Университета И. М. Снегирева²⁾ упоминанія о Пушкинѣ, имѣющія нѣкоторое значеніе въ исторіи жизни поэта. Съ Снегиревымъ Пушкинъ не разъ встрѣчался въ 20-хъ и 30-хъ годахъ, наѣзжая въ Москву. Имъ были процензурованы вторая глава „Евгенія Онѣгина“, первое изданіе „Братьевъ - разбойниковъ“. Издавая „Современникъ“, Пушкинъ собирался написать разборъ „Русскихъ въ своихъ пословицахъ“ Снегирева, интересовался его замѣчаніями на „Слово о полку Игоревѣ“ и приглашалъ его участвовать въ „Современникѣ“ („Русск. Арх.“ 1903 г., III, 170—171). Упоминаетъ Снегиревъ о Пушкинѣ въ одномъ изъ писемъ къ В. Г. Анастасевичу, 1828 г. („Древняя и Новая Россія“, т. XVIII, 1880 г.,

---

1) А. К. Ярославцовъ, „П. П. Ершовъ, авторъ сказки Конекъ-Горбунъ“, С.-Пб. 1872 г., стр. 2—3, 15.

2) О немъ см. „Биографич. словарь Имп. Московск. Унив.—та“, ч. II, 1855 г., стр. 423—427; I. И. Иллюстровъ, „Жизнь русскаго народа въ его пословицахъ и поговорахъ“, изд. 2-ое, С.-Пб. 1910, стр. XXIV—XXVIII.

стр. 544). Въ письмѣ къ нему митрополита Евгенія Казанцева 15 февраля 1837 г. находится неодобрительный отзывъ о недавно скончавшемся Пушкинѣ, какъ о чловѣкѣ (И. М. Снегиревъ, „Старина русской земли“, т. I, кн. 1, С.-Пб. 1871, стр. 135).

28 июня 1825 г. Снегиревъ отмѣчаетъ въ своемъ дневникѣ, что у него со знакомыми „разговоръ былъ о вредномъ вліяніи Пушкина стиховъ на нравственность юношества“. По поводу толковъ о петербургскихъ событіяхъ 14 декабря онъ записываетъ 20 декабря: „замѣчательно, что большая часть бунтовщиковъ Лицейскіе воспитанники“. Извѣстно, что и правительство, и оффиціозные круги, и общество давно уже смотрѣли на Царскосельскій Лицей, какъ на разсадникъ либерализма, явно преувеличивая политическую роль этого воспитательнаго заведенія. Ко времени слѣдствія по дѣлу декабристовъ относится извѣстный доносъ „Нѣчто о Царскосельскомъ Лицеѣ и духѣ его“ (Русск. Стар. 1887 г., апрѣль, 657—660; Н. К. Шильдеръ, „Императоръ Николай I“, I, 427—428; В. Вогучарскій, „Изъ прошлаго русскаго общества“, С.-Пб. 1904, стр. 296—299; В. О. Саводникъ, „Политическій доносъ на Пушкина“ — „Русск. Арх.“ 1904 г., II, 135—140). Въ доносѣ упоминается о вредномъ вліяніи на лицеистовъ Арзамасскаго общества, которое „сообщило свой духъ большей части юношества и, покровительствуя Пушкина и другихъ лицейскихъ юношей, раздуло безъ умысла искры и превратило ихъ въ пожаръ“. О „духѣ Лицея“ см. также ст. Д. О. Кобеко въ „Вѣстн. Всемирн. Ист.“ 1900 г., № 1, стр. 95—96, 97—98; В. И. Семевскій, „Политическія и общественныя идеи декабристовъ“, С.-Пб. 1908, стр. 202. Въ 1829 г. цесаревичъ Константинъ Павловичъ предостерегалъ Николая Павловича отъ дурнаго направленія воспитанія въ Царскосельскомъ Лицеѣ и указывалъ на примѣры Пушкина и Кю-

хельбекера („Сборн. Имп. Русск. Исг. Общ.“, т. 131, С.-Пб. 1910, стр. 307).

Подъ 18 сентября 1826 г. Снегиревъ записалъ: „Соболевскій привезъ ко мнѣ цензуровать стихи Пушкина, а подъ 24-мъ: „Быль у А. Пушкина, который привезъ мнѣ какъ Цензору свою піесу Онѣгинъ, г. II, и согласился на сдѣланныя мною замѣчанія, выкинувъ и перемѣнивъ нѣсколько стиховъ; сказывалъ мнѣ, что есть въ нѣкоторыхъ мѣстахъ обычай Троицкими цвѣтами обметать гробы родителей, чтобы прочистить имъ глаза¹). Талантъ его виденъ и въ глазахъ его: умень и остръ, благороденъ въ изъясненіи и скромнѣе прежняго. Опытъ не шутка“... 26 сентября записано: „По просьбѣ жены Х.“) и Графа Зотова я читалъ *Пушкина стихотворенія*, назначенныя мнѣ для цензурованія“... Стихи предназначались, вѣроятно, для возникавшаго тогда „Московского Вѣстника“; получивъ отъ Бенкендорфа приказаніе представлять свои произведенія, черезъ посредство его, Бенкендорфа, или непосредственно, государю, Пушкинъ просилъ М. П. Погодина: „скорѣе остановите въ Моск. цензурѣ все, что носить мое имя: такова воля высшаго начальства“ (письмо отъ 29 ноября). Вторую главу „Онѣгина“ Снегиревъ подписалъ къ печати 27 сентября, какъ видно изъ помѣты на печатныхъ экземплярахъ. Цензора смущили, вѣроятно, такія мѣста, какъ: „И небо рабъ благословилъ“ (измѣнено: „*Мужикъ судьбу благословилъ*“) или: „Германіи свободной“ (измѣнено: „*туманной*“). Такое же впечатлѣніе „остепенившагося“ произвелъ Пушкинъ и на Булгарина („Русск. Стар.“ 1909, ноябрь, стр. 350).

6 октября Снегиревъ записываетъ: „Вечеромъ былъ у меня Соболевскій съ рукописью А. Пушкина *Графъ Ну-*

---

1) Объ этомъ обычаѣ упоминаетъ П. И. Мельниковъ („Въ лѣсахъ“, ч. III, глава 1).

2) Н. З. Хитрово.

линъ на щетъ моихъ отмѣтокъ въ ней“... Удалось ли Соболевскому и Пушкину уломать несговорчиваго цензора, неизвѣстно; но, когда, въ силу вышеупомянутаго Бенкендорфоваго распоряженія, Пушкинъ вынужденъ былъ задержать всѣ свои произведенія въ Московской цензурѣ, въ числѣ ихъ долженъ былъ находиться и „Графъ Нулинъ“. Представленная въ высочайшую цензуру, вмѣстѣ съ другими стихами, въ томъ числѣ, вѣроятно, тѣми, о которыхъ упоминалъ выше Снегиревъ, поэма была пропущена, причемъ Пушкину было сообщено, что „государь императоръ изволилъ прочесть съ особеннымъ вниманіемъ“ стихотворенія, а „Графа Нулина“ — „съ большимъ удовольствіемъ...; прелестная піеса сія позволяется напечатать“ (отношеніе Бенкендорфа 22 августа 1827 г.).

18 октября: „Послѣ обѣда дома пріѣзжалъ ко мнѣ Соболевскій просить отъ меня письменнаго удостовѣренія, что ценсурованная мною II гл. Онѣгина, соч. А. Пушкина, напечатана сходно съ подлинникомъ, мною подписаннымъ; написалъ на оригиналѣ“... 2-ая глава романа была отпечатана въ Петербургѣ; пропущенная Снегиревымъ 27 сентября, она, значитъ, въ срединѣ октября была уже отпечатана (въ Петербургѣ).

Подъ 6 марта 1827 г. Снегиревъ записалъ: „Послѣ заутрени и ранней обѣдни бесѣдовалъ съ Погодинымъ о ст. А. Пушкина *подражаніе Фаусту* Гетеву, въ коей есть выраженія, противныя нравственности, и все основаніе оной мнѣ не нравится“... Но Погодину (пьеса предназначалась для „Московского Вѣстника“, въ которомъ и появилась въ свое время) не удалось уговорить Снегирева пропустить ее. 20 іюля Пушкинъ представилъ ее государю черезъ Бенкендорфа, который 22 августа сообщилъ Пушкину: „Фаустъ и Мефистофель позволено напечатать“. Пушкинъ мало надѣялся увидѣть „Сцену изъ Фауста“ въ печати и немедленно написалъ Погодину: „По-

бѣда, побѣда! Фауста царь пропустилъ... Скажите это отъ меня Господину¹⁾, который вопрошалъ насъ, *какъ мы смѣли* представить предъ очи его Высокородія такіе стихи! Покажите ему это письмо и попросите его Высокородіе отъ моего имени впредь быть учтивѣе и снисходительнѣе. Плетневъ доставитъ вамъ сцену, съ копіей отношенія Бенкендорфа. Если Моск. Цензура все таки будетъ упрямиться, то напишите мнѣ, а я опять буду беспокоить Государя Императора всеподданнѣйшей просьбою и жалобами на неуваженіе Выс. Его Воли“. Послѣдняя угроза, въ сущности совсѣмъ излишняя, такъ какъ нельзя было представить себѣ, какъ осмѣлился бы цензоръ нарушить волю царя и не принять во вниманіе отношеніе шефа жандармовъ, была прибавлена Пушкинымъ „на зло“ и въ поученіе безтолково-придирчивому цензору, надъ которымъ поэтъ торжествовалъ. Теперь московской цензурѣ оставалось исполнить только формальность и подписать „Сцену“ къ печати, что пришлось сдѣлать уже не Снегиреву, а С. Т. Аксакову, которому Погодинъ писалъ: „Посылаю Вамъ, м. г. Сергѣй Тимоѣевичъ, Фауста, прочтеннаго самимъ Царемъ. Онъ не скрѣпленъ, но, я думаю, можно имѣть довѣренность оффиціальную къ письму Пушкина, не говоря уже о бумагахъ Бенкендорфа“ („Русск. Арх.“ 1903, I, 445). Въ 1829 г. Пушкину опять пришлось испытать на себѣ придирчивость Снегирева, которому поэтъ написалъ довольно рѣзкую записку, угрожая жаловаться на пристрастіе цензора.

Запись отъ 15 мая позволяетъ увеличить число несомнѣнно-пушкинскихъ эпиграммъ еще одною, ранѣе отвергавшеюся. Вотъ что записалъ Снегиревъ въ этотъ день:

---

1) Въ „Вѣстн. Европы“ 1887 г., май, 405, было прибавлено: „Двигубскому“, но ясно, что это ошибка.

„Туманное небо — мелкій дождикъ. Обѣдню слушалъ въ Страстномъ монастырѣ у праздн. Видѣлся съ Кн. Мещерскимъ, который радъ мнѣ былъ, зашелъ къ нему; отъ него къ Погодину на завтракъ, гдѣ я нашелъ Пушкина, К. Вяземскаго; познакомился съ П. А. Мухановымъ, охотникомъ до русской старины, который просилъ меня дать ему записку о Митр. Платонѣ узнать въ Англіи. За столомъ Пушкинъ съ Баратынскимъ написали на Шал. слѣд. по случаю разсказаннаго анекдота:

Князь Шаликовъ, газетчикъ нашъ печальный,
Елегію семьѣ своей читалъ,
А козачокъ огарокъ свѣчки сальной
Въ рукахъ со трепетомъ держалъ.
Вдругъ мальчикъ нашъ заплакалъ, запищалъ. —

Вотъ, вотъ съ кого примѣръ берите, дуры!
Онъ дочерямъ въ восторгѣ закричалъ. —
Откройся мнѣ, о милый сынъ природы,
Ахъ! что слезой твоей осребрило взоръ?
А тотъ ему въ отвѣтъ: *мнѣ хочется на дворъ.*

Эта эпиграмма не входитъ ни въ одно сколько-нибудь претендующее на научный авторитетъ изданіе сочиненій Пушкина; нѣтъ ея также въ собраніяхъ произведеній Е. А. Боратынскаго. Въ старыхъ рукописныхъ сборникахъ, которыхъ до начала восьмидесятыхъ годовъ ходило множество по рукамъ любителей литературы, она встрѣчается съ именемъ Пушкина и въ качествѣ пушкинской была впервые напечатана Русскимъ (Н. В. Гербелемъ) въ его томикѣ запрещенныхъ стихотвореній Пушкина (Берлинъ. 1861 г., стр. 109). П. А. Ефремовъ, изъ принадлежавшаго которому сборника Гербель заимствовалъ эпиграмму, отказывался приписывать ее Пушкину (см. его статью „Мнимый Пушкинъ въ стихахъ, прозѣ и изображеніяхъ“ — „Новое Время“ 1903 г.,

№ 9845). Въ гербелевскомъ томикѣ ошибокъ довольно много, достовѣрнымъ источникомъ его признавать нельзя, и лучшіе издатели Пушкина, не полагаясь на его немотивированное сообщеніе, не могли включить эпиграмму въ свои изданія. Читая его, князь П. А. Вяземскій приписалъ на поляхъ, противъ эпиграммы на Шаликова: „Врядъ ли Пушкина, развѣ Соболевскаго съ содѣйствіемъ Пушкина“ („Стар. и Новизна“, VIII, 37); послѣдняя догадка Вяземскаго на половину оправдалась. Замѣтимъ, что текстъ, сообщаемый Снегиревымъ, немного разнится отъ гербелевскаго, но, конечно, издатели должны игнорировать послѣдній, какъ неавторитетный, при печатаніи собраній произведеній обоихъ поэтовъ, которымъ эпиграмма принадлежитъ нераздѣльно.

Извѣстны вѣсколько случаевъ совмѣстнаго участія Пушкина съ другими авторами въ общей работѣ, — конечно, очень невысокой поэтической цѣнности. На школьной скамьѣ Пушкинъ принималъ участіе въ коллективномъ созданіи лицейскаго эпоса — сатирическихъ куплетовъ о начальствѣ и товарищахъ. Одно изъ первыхъ стихотвореній, которыми открываются собранія его сочиненій: „О, Делія драгая!“ .., создалось при сотрудничествѣ А. Д. Илличевскаго. Въ 1817 году, гуляя однажды въ Царскомъ Селѣ, Батюшковъ, Жуковскій, А. А. Плещеевъ и Пушкинъ сочинили два экспромпта. Вмѣстѣ съ Дельвигомъ Пушкинъ въ 1825 г. написалъ шуточную элегію на смерть своей тетушки, Анны Львовны Пушкиной, смѣшной старой дѣвы. Въ 1830 г. Пушкинъ участвовалъ, вмѣстѣ съ Жуковскимъ, Вяземскимъ и еще кѣмъ-то, въ составленіи шуточнаго посланія къ В. Л. Пушкину, а въ 1836 г., вмѣстѣ съ тѣмъ же Жуковскимъ и Вяземскимъ, а также съ графомъ М. Ю. Віельгорскимъ, привѣтствовалъ шуточнымъ „канономъ“ М. И. Глинку, по случаю успѣха его „Жизни за Царя“. Къ числу этихъ плодовъ

коллективнаго творчества подъ веселую руку относится и остроумная эпиграмма на поэта-графомана.

Князь Петръ Ивановичъ Шаликовъ былъ, наравнѣ съ графомъ Д. И. Хвостовымъ, одною изъ самыхъ курьезныхъ фигуръ русской общественно-литературной жизни и предметомъ общихъ насмѣшекъ. Его имя надолго стало нарицательнымъ именемъ слезливаго, сентиментальнаго вздыхателя. Не разъ потѣшался надъ нимъ и Пушкинъ, впрочемъ, уважавшій этого чудака, котораго онъ, вступая въ литературную жизнь, уже засталъ въ роли многотерпѣливой мишени для всеобщаго издѣвательства. Ихъ личныя отношенія были самыя добрыя, и Шаликовъ иногда надоѣдалъ Пушкину восторженными и нелѣпыми обращеніями въ стихахъ. Они часто встрѣчались у общихъ московскихъ друзей, въ томъ числѣ у П. В. Нащокина, у Ушаковыхъ, въ фамильныхъ бумагахъ которыхъ сохранилась набросанная Пушкинымъ карриатура на князя Шаликова¹⁾. Его смѣшная, толстенъкая фигурка, съ характернымъ грузинскимъ носомъ, въ „пушкинской“ комнатѣ знаменитаго нащокинскаго домика (который въ прошломъ году показывали въ Академіи Наукъ) внимательно прислушивается къ словамъ Пушкина, который что-то читаетъ вслухъ²⁾.

Подъ слѣдующимъ числомъ, *16 мая*, записано: „Когда легъ было спать, пріѣхалъ Пушкинъ съ Соболевскимъ и увезли меня къ Полевому на вечеринку“... Объ этомъ посѣщеніи упоминается въ „Запискахъ“ К. А. Полевого (С.-Пб. 1888, стр. 209—210): „Пушкинъ казался предсѣдателемъ этого сборища и, попивая шампанское съ сельтерской водой, рассказывалъ смѣшные анекдоты, читалъ

---

1) Л. Н. Майковъ, „Пушкинъ“, С.-Пб., 1899, стр. 362, 365.

2) Извлеченіе изъ записи 15 мая 1827 г. я напечаталъ въ газ. „Рѣчь“ 10 января 1911 г., № 9.

свои непозволюнные стихи, хохоталъ отъ рѣзкихъ сарказмовъ И. М. Снегирева“...

Х.

Два эпиграфа къ „Арапу Петра Великаго“.

Эпиграфы въ наше время уже не въ модѣ, но въ вѣкъ Пушкина безъ нихъ не обходилась повѣствовательная проза, и романы и повѣсти Пушкина пестрѣютъ эпиграфами. Поэтъ придавалъ имъ серьезное значеніе, находя, что они сообщаютъ разсказу своеобразный привкусъ и настраиваютъ читателя на подходящій ладъ, и старательно выбиралъ ихъ для своихъ произведеній. Такъ, приступая къ печатанію „Повѣстей Бѣлкина“, онъ писалъ Плетневу: „Эпиграфы печатаютъ передъ самымъ началомъ сказки. . . Къ стати, объ эпиграфахъ. Къ *Выстрѣлу* надобно приискать другой, именно въ *Романъ въ семи письмахъ* А. Бестужева въ Пол. Звѣздѣ: *У меня остался одинъ выстрѣлъ, я поклялся* etc. Справься, душа моя“¹⁾. Аккуратный Плетневъ исполнилъ просьбу друга и отвѣчалъ Пушкину: „Я взялъ эпиграфъ къ *Выстрѣлу* изъ *Романа* въ 7 письмахъ; вотъ какъ онъ стоитъ въ подлинникѣ:

„Мы близились съ двадцати шаговъ; я шелъ твердо— вѣдь уже три пули просвистали мимо этой головы— я шелъ твердо, но безъ всякой мысли, безъ всякаго намѣренія: скрытыя во глубинѣ души чувства совсѣмъ омрачили мой разумъ“.

Согласенъ ли ты его такъ принять, и если да, то Баратынскаго слова: *Стрѣлялись мы* вычеркнуть ли изъ трагеди?

Не удержишь ли ты изданія присылкою Предисловія и уморительно-смѣшнаго эпиграфа?“²⁾.

1) Переписка Пушкина, академич. изд., I, 302—303.

2) Ibid., 319.

На послѣдней страницѣ черновой тетради „Повѣстей Бѣлкина“ выписаны, одно за другимъ, названія всѣхъ повѣстей съ ихъ эпитафами¹⁾. „Повѣсти Бѣлкина“ дѣйствительно появились съ „уморительно-смѣшнымъ“ эпитафомъ изъ „Недоросля“, а „Выстрѣлъ“ снабженъ обоими эпитафами—и изъ Боратынскаго, и изъ Бестужева-Марлинскаго.

Заканчивая „Капитанскую дочку“, Пушкинъ, въ качествѣ „издателя рукописи Петра Андреевича Гринева“, говоритъ: „мы рѣшились... издать ее... приискавъ къ каждой главѣ приличный эпитафъ“. По словамъ А. А. Жандра, Пушкинъ, прочитавъ романъ В. С. Миклашевичъ „Село Михайловское“, который очень ему понравился, обѣщаль: „я напишу къ нѣсколькимъ главамъ эпитафы“²⁾.

Иногда Пушкинъ заготовлялъ для своихъ произведеній эпитафы впрокъ, чтобы размѣстить ихъ впоследствии по отдѣльнымъ главамъ. Такъ, на первой же страницѣ рукописи „Арапа Петра Великаго“³⁾ выписано нѣсколько эпитафовъ. Впервые о нихъ сообщилъ П. В. Анненковъ⁴⁾, пропустившій одинъ эпитафъ, впервые напечатанный В. Е. Якушкинымъ⁵⁾:

Какъ облака на небѣ,
Такъ мысли въ насъ мѣняютъ легкій образъ;
Что любимъ днесъ, то завтра ненавидимъ...

— и не указавшій автора другого изъ этихъ эпитафовъ:

---

1) Московскій Румянцовскій Музей, тетр. № 2379—см. „Русск. Стар.“ 1884 г., ноябрь, 339.

2) В. С. Миклашевичъ, „Село Михайловское“, С.-Пб., 1908, стр. 4.

3) Московскій Румянцовскій Музей, тетр. № 2378, л. 1—см. „Русск. Стар.“ 1884 г., ноябрь, 335.

4) См. его изданіе Сочин. П., V, 525—526.

5) „Русск. Стар.“ 1884 г., ноябрь, 335.

Ужь столъ накрытъ, ужь онъ рядами
Несчетныхъ блюдъ отягощенъ.

„Арапъ Петра Великаго“ печатается безъ эпиграфъ, за исключеніемъ лишь четвертой главы, которую самъ Пушкинъ напечаталъ (въ „Сѣверныхъ Цвѣтахъ“ на 1829 г.) съ эпиграфомъ изъ „Руслана и Людмилы“:

Не скоро ѣли предки наши,
Не скоро двигались кругомъ
Ковши, серебряныя чаши
Съ кипящимъ пивомъ и виномъ.

Въ четвертой главѣ описывается обѣдъ у Гаврилы Аѳанасьевича Ржевскаго; очевидно, для нея-то и предназначался раньше другой эпиграфъ: „Ужь столъ накрытъ“...

Во всѣхъ комментированныхъ изданіяхъ сочиненій Пушкина этотъ эпиграфъ приводится безъ указанія, откуда онъ взятъ, — не только у Анненкова, но и у П. А. Ефремова¹⁾, и у В. Е. Якушкина²⁾, и у П. О. Морозова³⁾.

Между тѣмъ автора этихъ двухъ стиховъ обнаружить было вовсе не трудно. Они взяты изъ поэмы любимаго Пушкинымъ и весьма популярнаго Боратынскаго — изъ его „Пировъ“, гдѣ поэтъ говоритъ о широкомъ хлѣбосольствѣ московскихъ богачей:

Вполнѣ богатъ и лакомъ столъ.
Ужь онъ накрытъ, ужь онъ рядами
Несчетныхъ блюдъ отягощенъ....

Изъ того же мѣста „Пировъ“ взять Пушкинымъ стихъ:

Какъ не любить родной Москвы!

---

1) Сочин. П., изд. 3-е, т. IV, 1880 г., стр. 446; изд. 8-ое, т. IV, 1882, стр. 479; т. VIII изданія Суворина, 1905 г., стр. 532.

2) „Русск. Стар.“, 1. с.

3) Изд. Литер. фонда, IV, 30; изд. „Просвѣщенія“, V, 4.

послужившій однимъ изъ эпиграфовъ къ седьмой главѣ „Евгенія Онѣгина“.

Что касается до другого эпиграфа, источникъ котораго тоже не указанъ Пушкинымъ: „Какъ облака на небѣ“... , то не принадлежатъ ли эти стихи самому Пушкину? Подобная мысль выражена въ „Борисѣ Годуновѣ“:

только утолимъ
Сердечный гладъ мгновеннымъ обладаньемъ,
Ужъ охладѣвъ скучаемъ и томимся...

Пушкинъ могъ взять эпиграфомъ и свои собственные стихи. Ближайшій примѣръ — четверостишіе изъ „Руслана и Людмилы“, поставленное имъ въ началѣ четвертой главы „Арапа Петра Великаго“. И по мысли, и по формѣ эти величавые три стиха достойны Пушкина.

XI.

Изъ псевдо-пушкинианы ¹⁾).

Нижеслѣдующая исторія извѣстной эпиграммы, принадлежащей, какъ оказывается, перу „царскосельскаго товарища“ Пушкина А. А. Шишкова ²⁾, рассказанная недавно въ одной московской газетѣ ³⁾, позволяетъ окончательно устранить эту эпиграмму изъ числа приписываемыхъ Пушкину произведеній. „Въ 1827 г.“ — рассказываетъ г. И—скій, — „было дознано, что капитанъ Одесскаго пѣхотнаго полка Шишковъ (вѣроятно, имѣя въ

---

1) Часть этой замѣтки напечатана въ „Одесскихъ Новостяхъ“ 17 іюля 1910 г., № 8167.

2) Объ отношеніяхъ А. А. Шишкова къ Пушкину — см. И. А. Шляпкинъ, „Изъ неизданныхъ бумагъ А. С. Пушкина, С.-Пб., 1903, стр. 93—96, 167—168; зам. П. Е. Щеголева въ Сочин. П., изд. Венгерова, I, 364, 366.

3) И—скій, „Къ характеристикѣ Николая I“ — „Утро Россіи“ 8 іюля 1910 г., № 192; къ сожалѣнію, здѣсь не указаны документальные источники.

виду введеніе Николаемъ I-мъ новой формы одежды въ военномъ и гражданскихъ вѣдомствахъ) написалъ слѣдующій экспромптъ:

Когда мятежные народы,
Наскуча властью роковой,
Съ кинжаломъ злобы и мольбой
Искали бѣдственной свободы,
Имъ царь сказалъ: „Мои сыны!
Законы будутъ вамъ даны;
Я возвращу вамъ дни златые
Благословенной старины“, —
И обновленная Россія
Надѣла съ выпушкой штаны.

Великій князь и цесаревичъ Константинъ Павловичъ, которому, по приказанію Государя, были посланы эти стихи черезъ начальника Главнаго Штаба Его Императорскаго Величества барона Дибича, писалъ послѣднему отъ 14 октября 1827 года, для доклада Николаю I-му, что „какъ сіи стихи писаны въ пасквильномъ, дерзкомъ, злобномъ и даже возмутительномъ духѣ, то по его, цесаревича, мнѣнію, г-на сочинителя оныхъ, какъ опаснаго человѣка, не слѣдуетъ оставлять безъ наказанія“. Но Дибичъ, согласно указаніямъ Николая I-го, отвѣтилъ великому князю отъ 9 ноября того же года, что хотя „Государь Императоръ совершенно согласенъ съ мнѣніемъ его, великаго князя, но, „пріемля въ уваженіе, что Шипковъ въ сочиненіи сихъ стиховъ чистосердечно сознался, и что оныя относятся лично къ особѣ Его Величества“, простилъ Шипкова съ переводомъ его во фронтъ въ другой полкъ“. Дѣйствительно, все наказаніе Шипкову ограничилось переводомъ его изъ Одесскаго пѣхотнаго полка въ пѣхотный же полкъ принца Вильгельма Прусскаго, при чемъ Государь распорядился лишь учредить надъ ви-

новнымъ офицеромъ строгій надзоръ и не ввѣрять ему въ командованіе роты, пока не заслужитъ сего усердіемъ и хорошей нравственностью“...¹⁾).

Извѣстна приписываемая Пушкину эпиграмма, представляющая собою слегка видоизмѣненную вторую часть экспромпта Шишкова:

Султанъ сказалъ: „Мои сыны!
„Законы будутъ вамъ даны.
„Я возвращу вамъ дни золотыя
„Благословенной старины“.
И, диву давшись, Османлія
Надѣла съ выпушкой штаны.

Въ этой редакціи, а также съ вариантами: „Сказалъ деспотъ“ въ началѣ и „вся Россія“ вмѣсто „Османлія“ или „И обновленная Россія“ вмѣсто „И, диву давшись, Османлія“, — эпиграмма встрѣчается подъ именемъ Пушкина въ старыхъ рукописныхъ альбомахъ „сочиненій, презрѣвшихъ печать“, и въ нѣкоторыхъ заграничныхъ сборникахъ стихотвореній Пушкина²⁾).

Есть сокращенныя варіаціи на ту же тему. Напримѣръ:

Желали правъ они. Права имъ и даны:
Изъ узкихъ сдѣланы широкіе штаны³⁾.

---

1) Однако, въ 1828 г. имя Шишкова было припутано къ извѣстнымъ розскамъ о распространеніи „Гаврилады“ („Дѣла III Отдѣленія собственной Е. И. В. Канцеляріи объ А. С. Пушкинѣ“, С.-Пб., 1906, стр. 311, 316).

2) Съ непонятнымъ заглавіемъ: „На воцареніе Александра I“, она напечатана въ „Стихотвореніяхъ А. С. Пушкина, не вошедшихъ въ послѣднее собраніе его сочиненій“, изд. Русскаго (Н. В. Гербеля), Берл., 1861, стр. 91.

3) Обыкновенно относимая къ 1826 г., эпиграмма эта, впрочемъ, могла быть написана раньше, приблизительно въ 1818—1819 гг. (см. Сочин. Вяземскаго, VIII, 221); см. ее въ названномъ берлинскомъ томикѣ, стр. 94.

Или:

Хотѣлъ издать Ликурговы законы. . .

И что же издалъ онъ?—Лишь кантъ на панталоны¹⁾.

Ни одна изъ этихъ варіацій не принадлежитъ Пушкину. Въ 1826 г., готовясь заключить „мирный договоръ“ съ правительствомъ, поэтъ жаловался своему заступнику Жуковскому: „всѣ возмутительныя рукописи ходили подъ моимъ именемъ, какъ всѣ похабныя ходятъ подъ именемъ Баркова“. О своемъ „пріятелѣ“, героѣ „Египетскихъ ночей“, т. е., какъ извѣстно, о самомъ себѣ, Пушкинъ писалъ: „главную непріятностью платится мой пріятель — приписываніемъ (ему) множества чужихъ сочиненій“.

Неразборчивая молва щедро приписывала популярнѣйшему поэту всевозможныя безыменные стихи, бродившіе по рукамъ. Однако, Пушкинъ неповиненъ и въ ничтожной долѣ подобныхъ произведеній. Что же касается до приведенныхъ эпиграмматическихъ выпадовъ, то принадлежность ихъ Пушкину приходится безъ всякихъ колебаній отвергнуть. Всѣ они обыкновенно относятся къ тому времени, когда, подкупленный ласковостью молодого царя и обольщенный радужными надеждами „славы и добра“, поэтъ съ благородной прямою пилъ за здоровье Николая Павловича и открыто заявлялъ: „Его я просто полюбилъ“. . . Правда, съ годами этотъ розовый взглядъ измѣнился, но ни занятая Пушкинымъ въ началѣ Николаевского царствованія политическая позиція, ни простая гражданская честность не могли ему позволить распространять исподтишка эпиграммы на того, о комъ онъ такъ восторженно говорилъ во всеуслышаніе, — и новымъ подтвержденіемъ этому служить дѣло объ экспромптѣ Шишкова.

---

1) Эту эпиграмму приписывалъ Пушкину нерасположенный къ нему графъ М. А. Корфъ (см. „Русс. Стар.“ 1899 г., августъ, 306; Я. Гротъ, „П., его лицейскіе товарищи и наставники“, изд. 2-ое, стр. 250).

ХІІ.

Неправильно приписанная Пушкину эпиграмма.

Характеристика.

Обритый, блѣдный и худой,
Занявъ полтину у сосѣда,
По Петербургской мостовой
Онъ ищетъ славы и обѣда.

* *

Эту эпиграмму, напечатанную въ „Сѣверныхъ Цвѣтахъ“ на 1828 г., „Поэзія“, стр. 44, С. И. Пономаревъ („Сборникъ Отдѣл. Русск. яз. и слов. Имп. Ак. Н.“, т. XX, прилож., „Памяти князя П. А. Вяземскаго“, стр. 86) внесъ въ указатель сочиненій Вяземскаго съ оговоркою:

„Его ли? Подъ этимъ знакомъ писалъ въ Альманахахъ и Пушкинъ, но этого стихотворенія въ его Сочиненіяхъ нѣтъ“.

Дѣйствительно, въ „Сѣверныхъ Цвѣтахъ“ на 1830 г., „Поэзія“, стр. 54, двумя звѣздочками подписанъ „Олеговъ щитъ“ Пушкина, но ими же подписанъ и чей-то плохой стихотворный переводъ „Сцены изъ трагедіи Шекспира *Ромео и Юлія*“ (ibid., стр. 123). Въ той же книжкѣ альманаха 1828 г., гдѣ помѣщена „Характеристика“, мы находимъ эту подпись также подъ посредственнымъ стихотвореніемъ „Надежды“ (стр. 88), приписывать которое Пушкину нѣтъ никакихъ основаній, тѣмъ болѣе, что это переводъ съ нѣмецкаго, а съ этого языка, который нашъ поэтъ зналъ слабо, Пушкинъ никогда не переводилъ (см. наши примѣчанія къ переводу „Пуншевой пѣсни“ Шиллера, принадлежащему, вѣроятно, Дельвигу или Кюхельбекеру и до сихъ поръ невѣрно приписывавшемуся Пушкину, — въ Сочин. Пушкина, изд. С. А. Венгерова, I, 318,

320). Эти „Надежды“ совсѣмъ не напоминаютъ Пушкина, чего, впрочемъ, нельзя сказать о „Характеристикѣ“, первый стихъ которой приводитъ на память начало посланія Пушкина къ В. В. Энгельгардту, 1819 г.:

Я ускользнулъ отъ Эскулапа,
Худой, обритый, но живой...

Но эта параллель слишкомъ незначительна, чтобы можно было, не имѣя никакихъ другихъ данныхъ и полагаясь только на нее, приписать Пушкину нимало не замѣчательное четверостишіе, въ которомъ нѣтъ ничего специфически-пушкинскаго, и никакъ нельзя узнать ех ungue leonem. Двѣ звѣздочки, которыми, какъ мы имѣли случай убѣдиться, подписывались въ „Сѣверныхъ Цвѣтахъ“ разные лица, такимъ образомъ, ничего не объясняютъ. Вотъ почему приходится категорически отвергнуть догадку С. И. Пономарева, высказанную, правда, робко и нерѣшительно.

XIII.

Курилъ ли Пушкинъ?

(отвѣтъ на вопросъ).

Разсматривая анненковскіе „Матеріалы для біографіи Пушкина“, А. В. Дружининъ¹⁾ видѣлъ въ нихъ преимущественно „литературную біографію“ и писалъ: „будущій біографъ великаго поэта нашего долженъ по возможности обладать качествомъ, для обозначенія котораго существуетъ одно слово, пріобрѣвшее право гражданства на всѣхъ почти языкахъ, — именно *босвеллизмъ*. Слово это довольно ново у насъ, и мы должны вкратцѣ объяснить

---

1) „Библиот. для Чтенія“ 1855 г., т. СХХХІ, № 5, отд. VI, „Литературная лѣтопись“, стр. 1—14.

его значеніе. Оно происходитъ отъ имени собственнаго, отъ имени *Джемза Босвелля*, автора Джонсоновой біографіи и безспорно перваго изъ всѣхъ біографовъ когда-либо существовавшихъ. Манера Босвелля въ свое время казалась странною и поражала милліонъ насмѣшекъ, но прошло почти столѣтіе—и босвеллизмъ вторгнулся всюду, въ исторію, въ поэзію, въ рассказы путешественниковъ, не говоря уже объ искусствѣ писать біографіи. Босвеллизмъ есть стремленіе къ мельчайшимъ, характернымъ подробностямъ, которыя такъ скучны при вяломъ изложеніи и такъ драгоценны въ трудѣ, совершенномъ съ любовью. Рассказы чрезвычайной подробности, подобные картинамъ знаменитыхъ Фламандцевъ школы Міериса и Мецу,—существовали въ литературѣ и ранѣе Босвелля, но только этому вдохновенному чудаку (говоря словами Карлейля) далась вся художественность манеры, нынѣ вошедшей въ такую справедливую извѣстность. До Босвелля лучшій біографъ совѣстился говорить съ читателемъ о привычкахъ своего героя, о цвѣтѣ его волосъ, о его квартирѣ, о его одеждѣ, о его причудахъ и особенностяхъ; оттого до временъ Босвелля почти не имѣлось удовлетворительныхъ біографій, а послѣ него ихъ можно считать десятками. Вѣря тому, что иногда мелкая, ничтожная черта характера отлично знакомитъ насъ съ замѣчательнымъ человѣкомъ, что по временамъ пустой народный обычай вводитъ насъ въ міръ понятій чужого народа,—лучшіе мыслители нашего времени силятся вводить босвеллизмъ въ свои созданія. Маколей и Тьерри полны босвеллизмомъ, Мишле и Карлейль увлекаются босвеллизмомъ, Форстеръ, Ирвингъ, Скоттъ, нѣмецкіе біографы Гёте, самъ Гёте во многихъ своихъ созданіяхъ идутъ по слѣдамъ простодушнаго Шотландца, впервые познакомившаго Европу съ фізіогноміей, квартирой и потертымъ кафтаномъ честнаго Самуила Джонсона. На

сто новѣйшихъ біографій, удовлетворительныхъ и слабыхъ, едва ли отыщется одна, чуждая босвеллизму: онъ входитъ всюду и владычествуетъ всюду — даже въ газетахъ, даже въ рѣчахъ французскихъ академиковъ. Въ нашей литературѣ, однако, весьма мало біографій, въ которыя входила бы должная или по-крайней мѣрѣ незначительная часть босвеллизма, оттого эти біографіи или сухи, или дороги однимъ специалистамъ“.

Чтобы ясно представлять себѣ человѣка, нужно знать его всего, не только въ высокихъ проявленіяхъ души, но и въ мелочахъ его повседневнаго быта, а что касается до великаго человѣка, то всякая подробность его жизни интересна, а подчасъ можетъ быть даже не просто интересна, а существенна и важна. Чѣмъ ближе мы его узнаемъ, чѣмъ пристальнѣе будемъ видѣть, тѣмъ лучше.

Пишущему эти строки недавно былъ заданъ полусутопливый вопросъ: „курилъ ли Пушкинъ?“ Для разъясненія этой „босвеллической“ черты предлагаемъ слѣдующія данныя.

Еще мальчикомъ, въ Лицеѣ, мечтая о военной службѣ, онъ видѣлъ себя въ пылу боя „съ черкесской буркой на плечахъ“ и

Съ *цыгаррой* дымною въ зубахъ...¹⁾

Съ дымящейся сигарой ему въ Лицеѣ приходилось имѣть дѣло въ мечтахъ навѣрное чаще, чѣмъ въ дѣйствительности²⁾, но послѣ Лицея, попавъ въ кругъ „балованныхъ дѣтей свободы“, онъ, конечно, раздѣлилъ съ ними общую страсть къ табаку и блаженно утопалъ „въ густомъ дыму лѣнивыхъ трубокъ“³⁾.

---

1) „Посланіе къ Юдину“, 1815 г.

2) По словамъ графа М. А. Корфа, среди лицеистовъ были курящіе; при инспекторѣ Фроловѣ любители табака курили въ своихъ каморкахъ (К. Я. Гротъ, „Пушкинскій Лицей“, С.-Пб., 1911, стр. 111).

3) „Всеволожскому“, 1819 г.

„Настоящимъ“, привычнымъ, записнымъ курильщикомъ мы застаемъ Пушкина въ Кишиневѣ. „Онъ очень часто“ — пишетъ Е. Н. Орлова брату Александру Раевскому (12 ноября 1821 г.) — „приходитъ къ намъ *курить свою трубку*“...¹⁾.

Въ Одессѣ трубка для него была предметомъ ежедневнаго удовольствія послѣ утренняго купанья, о чемъ онъ рассказываетъ²⁾:

Бывало, пушка заревая
Лишь только грянетъ съ корабля,
Съ крутаго берега сбѣгая,
Ужъ къ морю отправляюсь я.
Потомъ за *трубкой раскаленной*,
Волной соленой оживленной,
Какъ Мусульманъ въ своемъ раю,
Съ Восточной гущей кофе пью...

Одесситъ Н. Г. Тройницкій видѣлъ его однажды на балконѣ дома Рено, гдѣ онъ жилъ тогда, съ чубукомъ³⁾.

Курить онъ и въ Михайловскомъ. Давая брату разныя порученія, онъ не забываетъ про „*табакъ, и. труб. черешн.*“⁴⁾ (т. е. глиняную трубку съ черешневымъ чубукомъ). Когда его навѣстилъ тамъ Пущинъ, друзья послѣ кофе „усѣлись *съ трубками*“⁵⁾.

А. О. Смирнова⁶⁾ вспоминала, какъ, участвуя однажды, въ гостяхъ у Карамзиныхъ, въ импровизированныхъ живыхъ картинахъ, Пушкинъ, „сидя на землѣ и

---

1) М. Гершензонъ, „Семья декабристовъ“ — „Былое“ 1906 г., октябрь, 308; „Исторія Молодой Россіи“, М., 1908, стр. 27.

2) „Путешествіе Онѣгина“.

3) Л. Мацѣвичъ, „Одесскія преданія о Гоголѣ“ — „Одесс. Листокъ“ 29 іюля 1909 г., № 172.

4) „Библиографическія Записки“ 1858 г., № 1, ст. 1, примѣч.

5) Сборн. Л. Н. Майкова „Пушкинъ“, стр. 79.

6) Записки, I, 32.

куря трубку, изображалъ хана Гирея“; впрочемъ, здѣсь онъ курилъ не какъ Пушкинъ, а какъ Гирей („янтарь въ устахъ его дымился“).

Бывая въ концѣ двадцатыхъ годовъ у Нащокина, онъ,—передавалъ Анненкову самъ Нащокинъ,—„цѣлые дни проводилъ въ кругу домашнихъ своего друга, на диванѣ, съ трубкой во рту“¹⁾. Пушкинъ очень любилъ эти часы въ домѣ друга: „много“ — писалъ онъ ему однажды²⁾ — „скопилось для меня въ этотъ³⁾ годъ такого, о чемъ не худо бы потолковать у тебя на диванѣ, съ трубкой въ зубахъ“...

Всѣ эти данныя, относящіяся къ различнымъ періодамъ жизни Пушкина, показываютъ, что поэтъ не только любилъ курить, но, по всей вѣроятности, курилъ постоянно.

XIV.

Воронцовъ о Пушкинѣ.

неизданный доносъ⁴⁾).

„У насъ поэты... отъ своихъ меценатовъ (чортъ ихъ побори!) требуютъ одного: чтобы они не входили на нихъ въ тайные доносы — и того не могутъ добиться“. Такъ писалъ Пушкинъ⁵⁾ черезъ много лѣтъ послѣ высылки изъ Одессы, вспоминая своего бывшего начальника, Новороссійскаго генералъ-губернатора и полномочнаго наместника Бессарабской области, графа М. С. Воронцова.

Когда въ 1823 г. изнывавшій въ Кишиневѣ отъ тоски

---

1) „Материалы для біографіи Пушкина“, изд. 2-е, стр. 210.

2) Ibid., 384, прямѣч.

3) 1834-й.

4) Впервые напечатано въ газ. „Рѣчь“ 18 октября 1910 г., № 286; здѣсь воспроизводится съ небольшими измѣненіями.

5) „Египетскія ночи“, гл. I.

поэтъ хлопоталъ о переводѣ въ Одессу, подѣ начальство только что назначеннаго въ Новороссію Воронцова, одинъ изъ хлопотавшихъ за Пушкина друзей и покровителей выразилъ надежду, что Воронцовъ станетъ для Пушкина „меценатомъ“¹⁾. Но вышло иначе. Извѣстны элиграммы Пушкина на Воронцова и его отзывы о своемъ Одесскомъ начальникѣ: „полумилордъ“, „лордъ Мидасъ“, „усердный льстецъ“, „вандалъ, придворный хамъ и мелкій эгоистъ“, „подлецъ“...²⁾.

Поэтъ былъ правъ, называя Воронцова доносчикомъ. Когда отношенія между всесильнымъ губернаторомъ и ссыльнымъ чиновникомъ поневолѣ дошли до крайняго обостренія, Воронцовъ рѣшилъ, во что бы то ни стало, отдѣлаться отъ Пушкина и 28 марта 1824 г. написалъ министру иностранныхъ дѣлъ графу К. В. Нессельроде, высшему начальнику поэта, числившагося въ службѣ по этому Министерству, косвенный, но несомнѣнный доносъ на Пушкина. Доносъ былъ написанъ очень тонко и осторожно. Начавъ двусмысленными комплиментами по адресу Пушкина, „молодого человѣка, не лишеннаго дарованій, недостатки котораго происходятъ скорѣе отъ ума, нежели отъ сердца“, Воронцовъ просилъ высшее правительство оказать Пушкину „лучшую услугу“—убрать его изъ Одессы, гдѣ ему кружатъ голову льстецы, увѣряя его, что онъ замѣчательный писатель, „тогда какъ онъ всего только слабый подражатель весьма мало достойнаго одобренія лорда Байрона“. При этомъ, боясь, что Пушкинъ можетъ быть снова откомандированъ къ Инзову, въ Кишиневъ, и такимъ образомъ, цѣль доноса—прервать связи поэта съ Одессой—не будетъ достигнута, Воронцовъ прибавилъ: „я не думаю, что служба при генералѣ Инзовѣ поведетъ къ

---

1) А. И. Тургеневъ („Остаф. Арх.“, II, 334; III, 57).

2) См. мои примѣчанія къ Сочин. П., изд. Венгерова, №№ 371, 382, 383, 394, 402, 411, 423, 492, 494, 512.

чему-нибудь, потому что, хотя онъ и не будетъ въ Одессѣ, но Кишиневъ такъ близокъ отсюда, что ничто не помѣшаетъ его поклонникамъ ѣздить туда; да и наконецъ въ самомъ Кишиневѣ онъ найдетъ въ молодыхъ боярахъ и молодыхъ грекахъ дурное общество“. Лучшимъ для Пушкина исходомъ, по мнѣнію Воронцова, было бы удаленіе въ другую губернію, гдѣ онъ „избѣгнетъ здѣшняго опаснаго общества“ и неминуемо угрожающаго „столкновения съ заблужденіями и опасными идеями“.

Этотъ доносъ давно извѣстенъ въ печати¹⁾, равно какъ и отвѣтъ графа К. В. Нессельроде отъ 11 іюля 1824 г.²⁾, которымъ министръ извѣстилъ Воронцова, что Пушкинъ исключается изъ службы и долженъ быть высланъ въ Псковскую губернію, подъ новый, гораздо болѣе бдительный надзоръ. 12 іюля министръ далъ знать генераль-губернатору Псковской и Прибалтійскихъ губерній маркизу Ф. О. Паулуччи, что онъ долженъ принять надлежащія мѣры строгости по отношенію къ поэту, котораго не удалось „привести на стезю добра и успокоить избытокъ воображенія, къ несчастію, не всецѣло посвященнаго развитію русской литературы, природному призванію г. Пушкина, которому онъ уже слѣдовалъ съ величайшимъ успѣхомъ“³⁾.

Отвѣтъ Нессельроде Воронцову начинается словами: „Я подавалъ на разсмотрѣніе Императора письма, которыя Ваше Сіятельство прислали мнѣ по поводу коллежскаго секретаря Пушкина“... До сихъ поръ было извѣстно только одно письмо — отъ 28 марта. Теперь отыскалось второе.

---

1) Анненковъ, „П. въ Александровскую эпоху“, 258, 259; „Матеріалы для біографіи П.—на“, Лейпц. 1875, стр. 35—37; „Русск. Стар.“ 1879 г., октябрь, стр. 292—293; „Вѣдом. Одесск. Градон.—ва“ 9 мая 1899 г., № 102.

2) Анненковъ, ор. с., 262—263; лейпцигскіе „Матеріалы“, 37—38; „Русск. Стар.“ 1879 г., октябрь, 293—294; цитир. № „Вѣд. Одесск. Град.—ва“.

3) „Русск. Стар.“ 1908 г., октябрь, стр. 109—111.

Оно было обнаружено недавно въ Государственномъ Архивѣ¹⁾.

Еще не получивъ отъ Нессельроде отвѣта на письмо о Пушкинѣ отъ 28 марта, Воронцовъ воспользовался удобнымъ случаемъ повторить свою просьбу и принести новый доносъ на поэта. 2 мая 1824 года онъ писалъ изъ Кишинева²⁾ графу Нессельроде о прибывшихъ въ Молдавію греческихъ выходцахъ, къ которымъ русское правительство, объятное реакціей и страшившееся революціонныхъ вспышекъ, относилось подозрительно и недоброжелательно. Сообщая министру объ установленіи черезъ полицію и секретныхъ агентовъ наблюденія за всѣмъ, что дѣлается среди грековъ и молодыхъ людей другихъ національностей, Воронцовъ такъ заключилъ свое письмо: „à propos de cela je répète ma prière — délivrez moi de Pouchkin; cela peut être un excellent garçon et un bon poète, mais je ne voudrais pas l'avoir plus longtemps ni à Odessa, ni à Kichineff. Adieu, cher comte“... („По этому поводу я повторяю мою просьбу — избавьте меня отъ Пушкина; это, можетъ быть, превосходный малый и хорошій поэтъ, но мнѣ бы не хотѣлось имѣть его дольше ни въ Одессѣ, ни въ Кишиневѣ. Прощайте, дорогой графъ“...).

Своимъ рѣзкимъ, иронически-злымъ, нетерпѣливымъ тономъ это письмо сильно отличается отъ письма 28 марта. Можетъ быть, въ это время случилось что-нибудь еще болѣе озлобившее Воронцова противъ Пушкина, — какая-нибудь новая эпиграмма, новый язвительный отзывъ поэта, дошедшій до графа Воронцова; можетъ быть, Воронцову просто надоѣло ждать развязки, — но онъ снова при-

---

1) Бумаги Воронцова. Извлеченіе изъ нихъ любезно сообщено мнѣ княземъ Н. В. Голицынымъ и Е. А. Ляцкимъ.

2) Что Воронцовъ тогда дѣйствительно былъ въ Кишиневѣ, подтверждается показаніемъ Ф. Ф. Вигеля („Записки“, изд. 1892 г., VI, ч. 166-167).

бѣгъ къ прежнему оружію,—доносу, которымъ не побрезговалъ и впослѣдствіи, при столкновеніи съ отравителемъ его душевнаго спокойствія, Раевскимъ-Демономъ ¹⁾). Трудно сказать, былъ ли этотъ второй доносъ Воронцова на Пушкина послѣднимъ (по словамъ жившаго тогда въ Одессѣ Ф. Ф. Вигеля ²⁾), Воронцовъ въ іюнѣ также писалъ Нессельроде и „поступки Пушкина представилъ въ ужасномъ видѣ“), но, конечно, онъ не могъ не повредить Пушкину.

И, что всего хуже, оба доноса были ложны. Не держа въ себѣ никакихъ фактовъ, они бездоказательно, лишь основываясь на служебномъ авторитетѣ полномасштабнаго сановника, компрометировали и безъ того гонимаго поэта въ глазахъ давно его преслѣдовавшаго правительства. Между тѣмъ, въ 1824 г. Пушкинъ былъ уже не тотъ пламенный энтузіастъ, который съ горящими сочувствіемъ глазами говорилъ о Греческомъ возстаніи и славилъ великаго духомъ Ипсиланти и геройскую „страну Гомера и Ѡемистокла“. Къ 1823—1824 году „вольнолюбивыя надежды“ оставили поэта, наблюдавшаго постепенное крушеніе революціи въ Германіи, Австріи, Испаніи, Неаполѣ, и онъ, уже не надѣясь „кровавой чаши причаститься“ и наслушавшись рѣчей своего „демона“, который „не вѣрилъ свободѣ“ и открылъ ему „жизни бѣдный кладъ“, скептически писалъ:

Паситесь, мирные народы,
Васъ не пробудитъ чести кличъ!
Къ чему стадамъ дары свободы?
Ихъ должно рѣзать или стричъ;
Наслѣдство ихъ изъ рода въ роды —
Ярмо съ гремушками да бичъ.

---

1) См. мои примѣч. къ Сочин. П., изд. Венгерова, №№ 371, 394.

2) „Записки“, ч. VI, 172.

Покинувъ вообще „либеральный бредъ“¹⁾, Пушкинъ глядѣлъ теперь иначе на грековъ, этихъ „современныхъ Леонидовъ“, какъ онъ выражался, лишенныхъ энтузіазма, не имѣющихъ понятія о чести²⁾. Кто-то изъ близкихъ даже упрекалъ его во враждѣ къ борющейся за свое освобожденіе Греціи и въ симпатіи къ Турецкому игу³⁾. Въ то самое время, когда Воронцовъ посылалъ свои доносы, въ которыхъ объявлялъ Пушкина „неблагополучнымъ по фѣлэллинизму“, Пушкинъ писалъ Вяземскому⁴⁾, что грекамъ „можно желать освобожденія отъ рабства нестерпимаго, но чтобы всѣ просвѣщенные европейскіе народы бредили Греціей, — это непростительное ребячество. Иезуиты натолковали намъ о Ѳемистоклѣ и Периклѣ, а мы вообразили, что пакостный народъ, состоящій изъ разбойниковъ и лавочниковъ, есть законнорожденный ихъ потомокъ и наслѣдникъ ихъ школьной славы. Приѣхалъ бы ты къ намъ въ Одессу посмотрѣть на соотечественниковъ Мильтіада, — и ты бы со мною согласился“... По отношенію къ политической заразѣ Пушкинъ находился тогда въ состояніи полнѣйшаго иммунитета, и у Воронцова не могло быть никакихъ основаній представлять его себѣ инымъ. Однако, онъ не остановился передъ ложными доносами и вошелъ въ исторію съ позорными именами, которыя справедливо далъ ему его геніальный противникъ.

XV.

Изъ отзывовъ Н. И. Греча о Пушкинѣ.

Первое упоминаніе о Пушкинѣ въ русской учебной литературѣ и одно изъ первыхъ въ критикѣ принадле-

---

1) Переписка П—на, академич. изд., I, 91.

2) Ibid., 112—113.

3) Ibid., 111—112.

4) Ibid., 118—119.

жить Н. И. Гречу. Считаемо нелишнимъ привести его здѣсь, тѣмъ болѣе, что о немъ не сказано въ „Puschki-na“ В. И. Межова. Въ изданномъ отдѣльно отъ „Учебной Книги Россійской Словесности“ „Опытъ краткой исторіи Руской Литературы“, С.-Пб. 1822 ¹⁾ (цензурное разрѣшеніе 12 іюня 1821 г., предисловіе подписано 5 декабря 1821 г.) Гречъ въ числѣ писателей, которые „въ изящной Литературѣ нынѣшняго вѣка приобрѣли отличную славу“, называетъ и Пушкина. Онъ значится 19-мъ, послѣднимъ, въ ряду наиболѣе выдающихся авторовъ Александровской эпохи, къ которому отнесены Н. М. Карамзинъ, И. И. Дмитріевъ, М. Н. Муравьевъ, В. А. Озеровъ, А. С. Шишковъ, митрополитъ Амвросій Подобѣдовъ, митрополитъ Михаилъ Десницкій, архіеп. Филаретъ Дроздовъ, архіеп. Амвросій Протасовъ, И. А. Крыловъ, В. А. Жуковскій, К. Н. Батюшковъ, князь П. А. Вяземскій, князь А. А. Шаховской, Н. И. Гнѣдичъ, А. Ѳ. Мерзляковъ, А. Е. Измайловъ, А. Ѳ. Воейковъ. Что касается до остальныхъ писателей эпохи, Гречъ ограничился „исчисленіемъ ихъ и самыми краткими о трудахъ ихъ замѣчаніями“; въ этомъ перечнѣ упомянуты М. В. Милоновъ, Денисъ Давыдовъ, В. Л. Пушкинъ, князь Д. П. Горчаковъ, Н. И. Хмельницкій, П. А. Катенинъ, Ѳ. Н. Глинка. А. С. Пушкину, такимъ образомъ, отведено одно изъ первыхъ мѣстъ. Вотъ что говоритъ о немъ Гречъ (стр. 328).

„Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ, Коллежскій Секретарь, родился въ Санктпетербургѣ ²⁾ 26 мая 1799 года, воспитывался въ Царскосельскомъ Лицеѣ, изъ коего выпущенъ въ 1817 году и опредѣленъ въ Коллегію Ино-

---

1) Книга эта сохранилась въ библиотекѣ Пушкина (см. Б. Л. Модзалевскій, Библиотека А. С. Пушкина — „Пушк. и его соврем.“, вып. IX—X, стр. 31—32).

2) Sic!

странныхъ Дѣлъ. — Въ 1820 году перешелъ онъ въ Канцелярію Генераль-Лейтенанта Инзова, полномочнаго Намѣстника въ Бессарабіи. Пушкинъ писалъ разныя лирическія стихотворенія, Посланія и пр.; но важнѣйшее его сочиненіе есть романтическая Поэма: *Русланъ и Людмила*, напечатанная въ С.П.б. 1820 года: въ ней видны необыкновенный духъ пѣтической, воображеніе и вкусъ, которыя, если обстоятельства имъ будутъ благопріятствовать, общають принести драгоцѣнные плоды.“¹⁾

Тутъ же, говоря о Жуковскомъ, Гречъ характеризуетъ его поэзію (стр. 312) извѣстными „стихами, которые написалъ Пѣвецъ Руслана и Людмилы къ портрету Жуковскаго“, и прибавляетъ: „въ этихъ пяти строкахъ, кажется, болѣе сказано о немъ, нежели мы нашли бы сказать на нѣсколькихъ страницахъ“²⁾. Эти стихи, впервые появившіеся въ „Благонамѣренномъ“ 1818 г., Гречъ приводитъ съ нѣкоторыми отличіями отъ общеизвѣстнаго тогда печатнаго текста:

„Его стиховъ плѣнительная сладость
Пройдетъ время тайственную даль;
Услыша ихъ, воспламенится Младость,
Утѣшится безмолвная Печаль —
И рѣзвая задумается Радость“.

Въ „Благонамѣренномъ“ же не только не было подчеркивающихъ персонификацію прописныхъ буквъ: Молодость, Печаль, Радость, но во второмъ стихѣ было: „временъ *сз* тайственную даль“, а въ четвертомъ иное словорасположеніе: „безмолвная утѣшится печаль“.

---

1) То же—въ „Учебной Книгѣ Россійской Словесности“, ч. IV, С.-Пб. 1822, стр. 600. Въ ней же, ч. III, С.-Пб., 1820, стр. 308—318 (пена. довол. 1 мая) напечатанъ отрывокъ изъ „Руслана и Людмилы“ (встрѣча Руслана съ головой).

2) То же — *ibid.*, ч. IV, 584.

Исправленная Пушкинымъ (въ сборникахъ стихотвореній изд. 1826 и 1829 гг.) редакція пьесы ближе къ тексту, приведенному Гречемъ, чѣмъ къ тексту „Благонамѣреннаго“. Зналъ ли пьесу Гречъ въ другой, болѣе совершенной редакціи, или, цитируя по памяти, немного измѣнилъ, а Пушкинъ этими измѣненіями воспользовался? Первое предположеніе намъ кажется болѣе вѣроятнымъ.

Недавно въ Тургеневскомъ архивѣ отыскался¹⁾ подлинный списокъ „Надписи къ портрету Жуковскаго“, немного отличающійся отъ сообщенной Гречемъ редакціи. Судя по этимъ разночтеніямъ („Временъ *вз* таинственную даль“; „*Внимая имъ* воспламенится младость“), найденный автографъ занимаетъ въ исторіи текста пьесы промежуточное положеніе между окончательнымъ текстомъ и редакціей Греча. Даваемая послѣднею персонификація абстрактныхъ понятій — одинъ изъ обычныхъ приемовъ въ поэзіи Пушкина.

XVI.

Изъ отношеній Пушкина къ Барри Корнуолу.

О бѣдность! Затвердилъ я наконецъ
Урокъ твой горькій. Чѣмъ я заслужилъ
Твое гоненье?

Такъ переданъ П. И. Бартеневымъ²⁾ карандашный набросокъ Пушкина, находящійся въ 2384-й тетради Московскаго Румянцовскаго Музея (л. 58 об.). Другой черновой набросокъ этихъ же стиховъ находится въ парижскомъ собраніи А. Э. Онѣгина и, какъ видно изъ описанія послѣдняго³⁾, почти совпадаетъ по содержанію съ наброскомъ Московскаго Музея. Только третій стихъ по-

1) „Русск. Библиофилъ“ 1911 г., № V, стр. 14—15.

2) „Русск. Арх.“ 1882 г., I, 226.

3) „П. и его современники“, вып. XII, 11—12.

лонъ; прибавлено обращеніе къ бѣдности: „властелинъ враждебный“. Не зная, что набросокъ уже напечатанъ П. И. Бартеневымъ, В. Е. Якушкинъ напечаталъ его, какъ новинку, въ 1884 г.¹⁾ П. И. Бартеневъ предположилъ, что это — начало стиховъ, предназначавшихся для импровизатора въ „Египетскихъ ночахъ“; къ его предположенію присоединился П. О. Морозовъ²⁾. П. А. Ефремовъ въ своемъ послѣднемъ изданіи сочиненій Пушкина³⁾ отвергъ это предположеніе, отдѣлилъ набросокъ отъ черновиковъ „Египетскихъ ночей“ и не согласился съ А. Θ. Онѣгинимъ, предложившимъ отнести его къ началу двадцатыхъ годовъ⁴⁾. У Ефремова, а также въ моихъ „Трудахъ и дняхъ Пушкина“⁵⁾ онъ датированъ 1835 г. на основаніи положенія его въ тетради Румянцовскаго Музея. Онѣгинскій черновикъ, повидимому, не даетъ никакихъ основаній для той или иной датировки.

Какъ извѣстно, за нѣсколько часовъ до поединка съ Дантесомъ Пушкинъ послалъ Ишимовой книгу „The poetical works of Milman, Bowles, Wilson and Barry Cornwall“, изданную въ 1829 г. въ Парижѣ, изъ которой просилъ перевести для „Современника“ нѣсколько отмѣченныхъ въ концѣ ея карандашемъ драматическихъ пьесъ Корнуоля. Ишимова исполнила просьбу-завѣщаніе поэта, и въ VIII томѣ „Современника“, вышедшемъ въ ноябрѣ 1837 г., появились⁶⁾ переведенные ею „Драматическіе очерки“ Корнуоля: „Лудовикъ Сфорца“, „Любовь излеченная снисхожденіемъ“, „Средство побѣждать“, „Амелія Уентуортъ“ и „Соколъ“.

---

1) „Русск. Стар.“ 1884 г., декабрь, 528.

2) Сочин. Пушкина, изд. Литерат. Фонда, IV, 405; изд. „Просвѣщенія“, V, 639.

3) Суворина, т. II, 374; (сравн. изд. Венгерова, IV, 40, № 771).

4) То же изд., VIII, 371.

5) Изд. 2-ое, стр. 347.

6) Стр. 75—175.

Послѣдняя пьеса начинается длиннымъ монологомъ героя (Фредериго): „*О бѣдность! Пойму ли я наконецъ твой горькій урокъ! Ты, имѣющая такъ много власти надъ этой прекрасной землей, ты, суровая противница утѣшительнаго довольства, ты, нарушительница сна, скажи, что сдѣлалъ я тебѣ, что ты такъ жестоко преслѣдуешь меня?*“... и т. д.¹⁾ О „случайномъ“ совпаденіи говорить, конечно, не приходится; ясно, что набросокъ Пушкина есть попытка перевести начало монолога Фредериго. Такимъ образомъ, нельзя не признать, что Ефремовъ былъ правъ, отрицая связь наброска съ „Египетскими ночами“, и къ двумъ пьесамъ, созданнымъ Пушкинымъ подъ вліяніемъ Корнуоля („Пью за здравіе Мери“... и „Я здѣсь, Инезилья“...), нужно прибавить еще одну.

XVII.

Напрасный упрекъ.

Такъ нужно назвать упрекъ, который посылаетъ издателямъ сочиненій Пушкина В. И. Чернышевъ²⁾ за то, что они не обратили вниманія на одну исправленную Пушкинымъ опечатку въ первомъ изданіи „Повѣстей Бѣлкина“, 1831 г. На стр. 109 станціонный смотритель названъ Симеономъ, но на стр. 124 и 125 дочь его названа Самсоновой, и въ помѣщенномъ въ концѣ книги списокѣ „погрѣшностей“ указано, что вмѣсто „Симеонъ“ на стр. 109 должно быть „Самсонъ“. Во второмъ изданіи „Повѣстей Бѣлкина“, 1834 г. („Повѣсти, изданныя Александромъ Пушкинымъ“) смотритель названъ по-прежнему Симеономъ (стр. 99), а дочь его — уже Симеоновой (стр. 110), и разногласіе между именемъ отца и отчествомъ дочери устранено. Изъ обоихъ изданій наиболѣе авторитетнымъ

1) Стр. 156, курсивъ мой.

2) „Пушк. и его современники“, вып. VIII, стр. 21.

для издателей должно считаться второе — не только потому, что оно позднѣйшее, но еще и потому, что въ немъ исправлены всѣ погрѣшности перваго. Что же касается до заинтересовавшей г. Чернышева поправки въ „Станціонномъ смотрителѣ“, то, какъ признаетъ онъ самъ, „изданіе 1834 г., не считаясь съ предложенной поправкой, позаботилось однако объ устраненіи противорѣчія въ первоначальномъ текстѣ“. Почему же въ такомъ случаѣ г. Чернышеву „представляется немаловажной“ эта поправка, „не обратившая на себя вниманія издателей Пушкина“? Всѣ издатели, кончая С. А. Венгеровымъ, слѣдовали тексту второго изданія, исправленнаго (какъ видно, между прочимъ, изъ сличенія текстовъ „Пиковой дамы“ въ этомъ изданіи и въ „Библіотекѣ для Чтенія“, гдѣ она появилась впервые) самимъ Пушкинымъ, и только посмертное изданіе, на что и указываетъ г. Чернышевъ, сохранило отмѣченную въ текстѣ 1831 г. поправку и, удерживая за героиней повѣсти отчество Самсоновна, назвало смотрителя Самсономъ. Другимъ же издателямъ, которымъ г. Чернышевъ ставитъ въ минусъ эту „неисправленную опечатку“, и не нужно было интересоваться этой поправкой перваго изданія, такъ какъ имъ приходилось перепечатывать „Повѣсти Бѣлкина“ со второго, исправленнаго авторомъ. Вслѣдъ за г. Чернышевымъ¹⁾ повторимъ, что „нужно обнаруживать крайнюю, педантическую внимательность ко всѣмъ тѣмъ случаямъ, когда даются исправленія самими авторами“.

Н. Лернеръ.

---

1) Ibid., 15.